

В.С. Дякин

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ К МОНОГРАФИИ
«РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ЦАРИЗМ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1917»***

V.S. Dyakin. Historiographical Introduction to the Monograph «Russian Bourgeoisie and Czarism during the First World War. 1914–1917». This historiographical review was made up by a well-known researcher of pre-revolutionary Russia for his monograph, published in 1967, but itself was published in a significantly abridged version. Here the full text of the article is represented, which until today remains the most comprehensive analytical review of the scientific literature of Russian political history between 1914 and 1917, published in the USSR between the early 1920s and 1960s. The author traces the sequence of the main conceptions and schemes of the Soviet historiography on the interpretation of this period, systemises and groups various researches proceeding from scientific approaches and adherence to methodological systems, analyses merits and defects of the most important historical studies. The highlight of the issue is the problem of mutual relations and political differences between the bourgeoisie and the czarism on the eve of 1917.

«Классовая природа русской государственной власти, — писал В.И. Ленин в 1912 г., — потерпела серьезное изменение после 1905 г. Это изменение — в сторону буржуазную. Третья Дума, “веховский” либерализм, ряд других признаков свидетельствуют о новом “шаге по пути превращения в буржуазную монархию” нашей старой власти. Но, делая еще один шаг на этом новом пути, она остается старой, и сумма политических противоречий от этого увеличивается»¹.

Россия по-прежнему оставалась разделенной на три политических лагеря — «лагерь революции, единственно выражающий интересы угнетенных масс», лагерь буржуазии и лагерь палачей и крепостников, монархии и охраны»².

Основным, решающим противоречием российской действительности являлось противоречие между революционным пролетариатом и всеми эксплуататорскими классами, едиными в своей ненависти к революции. Но наряду с ним сохранялось и становилось все более острым противоречие внутри эксплуататорских верхов российского общества, противоречие между буржуазией с одной стороны и дворянством и самодержавием — с другой. Русская либеральная буржуазия никогда не была революционной, а после 1905 г. встала на путь контрреволюции.

«Но если бы, — подчеркивал В.И. Ленин, — из этой контрреволюционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой не может иметь никакого значения в процессе нарастания нового подъема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку. Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д.»³.

* Полностью публикуется впервые.

¹ Ленин В.И. Соч. Изд. 4. Т. 18. С. 48.

² Там же. Т. 19. С. 199.

³ Там же. Т. 15. С. 251–252.

Конфликту между буржуазией и самодержавием в годы мировой войны посвящается эта книга.

Ранняя советская историография

Проблема взаимоотношений между царизмом и буржуазией вообще, в годы мировой войны в частности, принадлежит к числу малоизученных сторон истории России. Внимание советских историков привлекала в первую очередь (и это было вполне естественно и закономерно) история революционного движения и его движущей силы — рабочего класса. Вопросы истории правящих верхов, истории эксплуататорских классов вставали перед исследователями лишь в наиболее общей форме, в той мере, в какой они казались необходимыми для характеристики общего положения в стране, характеристики условий, в которых развивалось революционное движение.

Довольно быстро обнаружилось, однако, что схематичность и неполнота представлений о правящих классах дореволюционной России отрицательно сказывается и на изучении рабочего движения, мешает устранению неверных исторических концепций. Это обстоятельство послужило одной из побудительных причин, вызвавших со второй половины 1920-х гг. появление целого ряда работ, посвященных более глубокому анализу кризиса верхов. Но с середины 1930-х гг. это направление в исторических исследованиях было фактически свернуто за немногими исключениями, о которых речь будет идти в дальнейшем. В результате проблемы взаимоотношений между царизмом и буржуазией в 1914–1917 гг. затрагивались в исторической литературе лишь попутно, в связи с общей историей России этих лет и главным образом в связи с рассмотрением событий Февральской революции. При этом в поле зрения авторов попадали, как правило, немногие, в основном одни и те же вопросы, рассматривавшиеся на основании одного и того же весьма ограниченного числа фактов⁴.

В первые годы после революции появлялись (главным образом по случаю годовщины) небольшие брошюры о событиях февраля 1917 г., в которых кратко излагались причины и ход революции на основе фактов, известных авторам непосредственно по участию в революционном движении. Такими первыми большевистскими очерками явились вышедшие в 1918 г. брошюры И. Безработного (Д. Манульского) «*Две революции*», Р. Арского «*Пути русской революции. 28 февраля 1917 г. — 28 февраля 1918 г.*» (обе — издательство «Прибой» в Петрограде), Б. Бреслава «*Характер и этапы русской революции*» (опубликованная сначала в Кронштадтской и Витебской газетах, а затем отдельным изданием в этих же городах) и К.П. Новицкого (К. Петровина) «*Год революции (1917 — февраль — 1918). Краткий очерк развития великой русской революции*». Последняя, вышедшая в Москве, представляла собой текст лекций, прочитанных автором в 1917 г. в московском профсоюзе служащих торговли и была в 1920 г. переиздана (в дополненном виде) под названием «*От самодержавия к диктатуре пролетариата (1917 г. — февраль — октябрь — 1919 г.)*». Все указанные брошюры носили в общем чисто описательный характер и не содержали фактов, не известных еще в момент самой революции.

В последующие годы в научный оборот начали вводиться новые материалы. В 1920 г. вышло первое издание книги А.Г. Шляпникова «*Канун семнадцатого года*». Написанная в основном как мемуары (особенно т. I), книга А.Г. Шляпникова была

⁴ Мы не касаемся в нашем обзоре обширной литературы, посвященной экономической политике царизма, росту монополий в промышленности и т. п.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

посвящена главным образом истории рабочего движения и большевистской партии. В то же время в ней освещалась история попыток буржуазных лидеров подчинить своему влиянию рабочих путем вовлечения в военно-промышленные комитеты, кратко (но подробнее, чем в первых брошюрах) говорилось о борьбе буржуазии за власть. В книге А.Г. Шляпникова были впервые опубликованы некоторые документы, вышедшие из буржуазного лагеря, в том числе широко ходившие по рукам накануне Февральской революции запись беседы А.Д. Протопопова с членами бюро думского Прогрессивного блока, тексты резолюции «продовольственного съезда» 2 декабря 1916 г. и речи Г.Е. Львова на съезде земского союза 9 декабря 1916 г., а также не получившие широкого распространения листовки буржуазной «Группы объединившихся граждан Петрограда». Аналогичный характер носила следующая книга А.Г. Шляпникова «Семнадцатый год», кн. I, изданная в 1923 г.

Защищая и обосновывая свои взгляды на революционное рабочее движение 1916–1917 гг. (рассмотрение этих взглядов не входит в нашу задачу), А.Г. Шляпников при описании политики буржуазии в основном ограничивался пересказом чисто фактической стороны дела (а иногда, к сожалению, и непроверенных слухов) и воздерживался от далеко идущих выводов. Он, однако, переоценивал влияние буржуазии на широкие рабочие и демократические слои, считая, что буржуазным организациям «благодаря своему либеральному происхождению и враждебному к ним отношению правительства <...> удавалось черпать организаторские силы из среды демократической интеллигенции, а через нее иметь опору и в самой толще народа»⁵ и что только «арест рабочей группы при центральном военно-промышленном комитете нанес большой удар влиянию либеральных промышленников на рабочие массы»⁶. При всем том обе книги А.Г. Шляпникова и до настоящего времени сохраняют свое значение как живое свидетельство современника и участника событий.

Чисто мемуарный характер носила и книга С. Мстиславского «Пять дней»⁷, в которой для нашей темы наибольший интерес представляет описание работы военной комиссии Совета (затем — Временного комитета Думы) в февральские дни.

Одновременно в 1920–1922 гг. стали появляться работы иного характера. В.Н. Сторожевым были опубликованы статьи «Дипломатия и революция» в «Вестнике НКВД» за 1920 г.⁸ и «Февральская революция 1917 г.» в «Научных известиях Академического центра Наркомпроса»⁹. Обе статьи являлись по сути дела публикациями документов (целиком или в отрывках), в которых собственный текст автора лишь увязывал документы в определенной последовательности. Первая статья, содержащая обширные извлечения из архива МИД и освещающая позицию иностранной дипломатии накануне Февральской революции по отношению к Временному правительству, и поныне сохраняет свое значение. Во второй статье впервые были опубликованы ряд выдержек из дневника Николая II и его переписки с Александрой, ряд телеграмм Ставки в дни революции и частично протокол отречения Николая.

В 1921 г. была издана книга А.А. Блока «Последние дни императорской власти». Почти одновременно она была опубликована в № 15 журнала «Былое», который хотя и был помечен 1919 годом, в действительности вышел в свет в 1921 г. Книга А.А. Блока была основана на материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного

⁵ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. М., 1923. Изд. 3. Ч. 2. С. 3–4.

⁶ Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М.; Пг., 1923. Кн. I. С. 40.

⁷ Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец февральской революции. Берлин; Пг.; М., 1922. Изд. 2.

⁸ Вестник НКВД. 1920. № 4–5. С. 69–104.

⁹ Академический центр Наркомпроса. Научные известия. М., 1922. Сб. I. С. 123–147.

правительства (литературная редакция которых была возложена на А.А. Блока). Книга представляла собой наиболее подробное из существовавших к тому времени описаний кризиса верхов. Однако это описание было основано на простом пересказе показаний бывших царских сановников в ЧСК и имевшихся в ее распоряжении документов и лишено какого бы то ни было анализа¹⁰. В приложении к книге были полностью опубликованы некоторые документы, использованные в тексте.

Названные выше работы, публикации документов в журнале «*Былое*» и некоторых других, вышедшие в 1923–1924 гг. хроники февральских событий¹¹, а также белоэмигрантские мемуары, опубликованные в начале 1920-х гг., значительно расширили источниковедческую базу истории Февральской революции и предшествующего периода и вызвали потребность в осмыслении накопленного материала.

В 1921 г. М.Н. Покровский опубликовал статьи «*12 марта*» и «*Пролог Октябрьской революции*», в которых начал формулировать свою концепцию, изложенную в полном виде двумя годами позже. В 1922 г. появилась статья С. Петропавловского «*Дворянство, бюрократия и монархия перед Февральской революцией*»¹², в 1923 г. статьи С.А. Пионтковского «*Буржуазия в февральские дни 1917 года*»¹³ и И. Вардина «*Либерализм — царизм — революция*»¹⁴, а в 1924 г. брошюры Д.Я. Кина «*Война и Февральская революция*» и С.А. Пионтковского «*Февральские дни 1917 года (популярный очерк)*» и курс лекций М.Н. Покровского «*Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.*».

Общим для С. Петропавловского, С.А. Пионтковского, И. Вардина и Д.Я. Кина было признание тесной связи между войной и обострением противоречий между царизмом и буржуазией, а также сосредоточение внимания на планах дворцового переворота. В статье С. Петропавловского поддерживался также тезис о попытке царского правительства заключить сепаратный мир с Германией. Однако в социальной характеристике самодержавия и причин его конфликта с буржуазией авторы указанных работ придерживались различных точек зрения. И. Вардин, С.А. Пионтковский и С. Петропавловский рассматривали самодержавие как выразителя интересов дворянско-феодалных элементов. При этом И. Вардин подчеркивал наличие резких разногласий в «верхах» российского общества еще в довоенный период, допуская даже серьезные преувеличения и считая, что «перед войной мы среди имущих классов имеем полный раскол». По мнению И. Вардина, «инициатива в расколе все время принадлежит царизму — это он фактически постепенно откалывает от себя хоть сколько-нибудь либерально настроенные слои имущих классов и все более резко поворачивает вправо»¹⁵, в результате чего еще в довоенный период в оппозицию переходят часть националистов и даже правых. В статье С.А. Пионтковского, напротив, главное внимание обращалось на обострение кризиса верхов в годы войны, вызванное, по его мнению, сужением именно в эти годы экономического базиса самодержавия¹⁶.

¹⁰ «Книжка А. Блока, — писал в рецензии на нее В.Н. Сторожев, — едва ли рассчитана на читателя серьезного и критически настроенного. Это — журнальная статья, написанная для “*Былого*” наспех» (Печать и революция. 1922. Кн. I. С. 243).

¹¹ *Авдеев Н.* Революция 1917 г. (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. I; *Заславский Д.О., Канторович В.А.* Хроника Февральской революции. Пг., 1924. Т. I (Последняя — с меньшевистских позиций.)

¹² Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 8–26.

¹³ Современник. 1923. Кн. 2. С. 1–17.

¹⁴ Красная новь. 1923. № 2. С. 263–291.

¹⁵ Там же. С. 273–274.

¹⁶ Современник. 1923. Кн. 2. С. 3.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

В противоположность И. Вардину и С.А. Пионтковскому Д.Я. Кин подчеркивал общность интересов правящих классов и утверждал, что после 1905 г. «интересы банкового и торгово-промышленного капитала все чаще перевешивали интересы феодально-помещичьих групп»¹⁷, а во время войны «бессильное правительство, оказавшись не в состоянии справиться с делом мобилизации промышленности, сдалось на капитуляцию предпринимателям»¹⁸. Говоря об «острых противоречиях», которые «скоро обнаружались» между буржуазией и помещиками в годы войны, Д.Я. Кин свел их к вопросу о твердых ценах на хлеб и промышленные изделия. Из брошюры Д.Я. Кина было трудно уяснить, в чем видел он причины политического кризиса верхов накануне Февральской революции. Сам он называл в качестве причин оппозиции буржуазии только военные поражения, а брошенная им фраза об отказе «самодержавно-бюрократической власти» от политических уступок не была им развернута и находилась в явном несоответствии с тезисом, будто после 1905 г. «рецидивов либерализма среди буржуазии не наблюдалось»¹⁹. Диалектика ленинского термина «контрреволюционный либерализм» осталась, таким образом, непонятой Д.Я. Кином, а это привело к противоречиям в его концепции, ибо становилось неясным, каких же политических уступок ждала от царизма буржуазия, лишенная «рецидивов либерализма».

Нечеткостью страдала и другая формулировка Д.Я. Кина, призванная по мысли автора объяснить причины кризиса верхов. «Самодержавно-бюрократическая власть, — писал Д.Я. Кин, — оттолкнула от себя цензовую общественность, но не сделала ничего, чтобы примирить с собою дворянско-помещичьи круги». В этой формулировке дворянско-помещичьи круги противопоставлялись «цензовой общественности», частью которой они являлись, причем создавалось впечатление, будто в истории царизма был период, когда он, уже враждующий с «дворянско-помещичьими кругами», находился в союзе с «цензовой общественностью», под которой Д.Я. Кин, видимо, подразумевал буржуазию. Путаной концепции брошюры соответствовало и ее изложение, мещущее между отдельными фактами.

М.Н. Покровский и его схема «двух заговоров»

Наибольшее влияние на ход дальнейшего изучения истории Февральской революции и ее предпосылок оказала, естественно, схема, выдвинутая крупнейшим советским историком того времени М.Н. Покровским в лекциях по истории революционного движения в России в XIX—XX вв., прочитанных в 1923—1924 гг. и опубликованных в 1924 г. Схема Февральской революции, предложенная М.Н. Покровским, исходила из его концепции «торгового капитала». Из этой концепции прежде всего вытекало, что поскольку самодержавие являлось политической организацией торгового капитала, борьба против него была борьбой против капитализма и, следовательно, объективные задачи Февральской революции были задачами социалистическими. «Февральская революция, — утверждал М.Н. Покровский, — была не только рабочей революцией <...>, но неизбежно была и социалистической революцией, совершенно объективно»²⁰.

Вторым логическим следствием общей концепции М.Н. Покровского был вывод, что в основе конфликта либеральной буржуазии и самодержавия лежало столкновение интересов промышленного и торгового капитала. По мнению М.Н. Покровско-

¹⁷ Кин Д. Война и Февральская революция. Л., 1924. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения России XIX и XX вв. М., 1924. С. 223.

го, Россия вступила в мировую войну в интересах прежде всего торгового капитала, тогда как промышленная буржуазия первоначально отнеслась к войне без энтузиазма и «появилась на патриотической дороге лишь постепенно, когда выяснилось, до какой степени сама война является выгодным предприятием»²¹. Однако по мере продолжения войны отношение к ней торгового и промышленного капитала претерпело кардинальные изменения. С середины 1915 г. промышленная буржуазия «становится хозяйкой положения, хозяйкой тыла, хозяйкой снабжения армии <...> хозяйкой военной экономики и фактически руководящей силой»²². Она, поэтому, выступала за продолжение войны и мирилась с распутищиной. Со своей стороны торговый капитал, лишившийся из-за затяжной войны сферы приложения своих сил, «начинал скучать и горько осуждать войну»²³.

Из противоположного подхода торгового и промышленного капитала к войне М.Н. Покровский выводил свою схему «двух заговоров» накануне Февральской революции. Первый заговор, заговор царизма («торгового капитала»), имел целью заключение сепаратного мира, а второй заговор — промышленного капитала и военной — носил ответный характер и должен был помешать выходу России из войны. В этом столкновении интересов, вызванном различным отношением к войне, «опасность массового взрыва совершенно ушла из поля зрения <...> нашей империалистской буржуазии» и Февральская революция была «облегчена в чрезвычайной степени тем, что на верхушке в это время происходила волосаянка людей, совершенно забывших, что на свете есть рабочие, есть революционный пролетариат»²⁴.

Рассматриваемая в этом аспекте схема «двух заговоров» содержала в себе две существенные ошибки. Во-первых, она сводила противоречия между царизмом и либеральной буржуазией только к вопросу о продолжении войны, совершенно игнорируя при этом разногласия из-за методов борьбы с революцией, о которой ни царизм, ни в особенности буржуазия, вопреки запальчивому утверждению М.Н. Покровского, не забывали ни на минуту.

Во-вторых, эта схема игнорировала довоенные противоречия царизма и буржуазии, что логически вело М.Н. Покровского к неверной в своей категоричности формуле: «Мы ничего не поймем в Февральской революции 1917 г., если позабудем, что ее *исходной точкой* (не «гигантским ускорителем», как писал В.И. Ленин, а исходной точкой. — *В.Д.*) была война»²⁵. Последняя ошибка подчеркивалась тем, что, как уже отмечалось, М.Н. Покровский считал, будто либеральная (промышленная) буржуазия стала уже в 1915 г. «фактически руководящей силой» и, следовательно, ее конфликт с царизмом был вызван разногласиями исключительно внешнеполитического характера.

Схема «двух заговоров» имела и еще одну сторону, для уяснения существа которой необходимо привести обширную выдержку из лекции М.Н. Покровского.

«План Николая, — раскрывал М.Н. Покровский свою схему, — нам известен из записок Курлова, который приписывает этот план себе <...> План этот заключался в том, чтобы разогнать Думу, объявив манифестом прирезку земли крестьянам <...> и объявить одновременно равноправие национальностей в России <...> Равноправие евреев и прирезка земли крестьянам по мнению Николая и его камарильи должны были перебросить симпатии масс на сторону самодержавия. На этом фоне можно было разогнать Думу и заключить мир <...> Намечалось это, по-видимому, на март месяц. Знала ли в подробностях об этих планах противная сторона или нет, но она решила этот удар предотвратить контр-ударом. Контр-удар должен был заклю-

²¹ Там же. С. 185.

²² Там же. С. 189.

²³ Там же. С. 201.

²⁴ Там же. С. 200—201.

²⁵ *Покровский М.Н.* Октябрьская революция. М., 1929. С. 109.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм...»

чаться в довольно решительном выступлении. В войне был заинтересован, конечно, не один промышленный капитал, но и делавшее на ней карьеру высшее офицерство. Поэтому промышленный капитал в лице прогрессивного блока без труда нашел себе союзников в рядах командного состава. В заговор были втянуты очень крупные силы, вплоть до начальника генерального штаба генерала Алексеева. Этот командный состав был руками формального заговора, образовавшегося в это время около прогрессивного блока, а мозгом его была кадетская партия»²⁶.

Несколько дальше М.Н. Покровский заявлял (и повторял это затем неоднократно в других работах), что «устранение Распутина было частью заговора»²⁷.

Вся эта детально написанная картина приводилась фактически без доказательств. План Николая описывался по только перед тем изданным в СССР мемуарам бывшего директора департамента полиции генерала П.Г. Курлова «Конец русского царизма» (М.; Пг., 1923), хотя Курлов в этих мемуарах писал, что автором плана был он и что министр внутренних дел А.Д. Протопопов, которому он его предложил, даже не решился передать его Николаю²⁸. В подтверждение того, что в заговоре Прогрессивного блока участвовал Алексеев (который, кстати сказать, был начальником штаба Ставки, а не Генерального штаба), и того, что убийство Распутина было частью такого заговора, вообще не приводилось никаких доказательств. Версия о заговоре Прогрессивного блока излагалась, по сути дела, на основании слухов, широко распространенных в годы войны и частью повторенных (именно как слухи) в книге А.Г. Шляпникова, на которую сослался М.Н. Покровский. Кроме того, М.Н. Покровский явно имел в виду белые мемуары, в которых упоминалось о существовании планов дворцового переворота и на которые ссылались уже С.А. Пионтковский, И. Вардин и Д.Я. Кин в названных выше работах, а также сам М.Н. Покровский в статьях, опубликованных в 1921 г. Однако ни в одной из этих книг не говорилось о существовании единого «формального заговора <...> прогрессивного блока», а, наоборот, речь шла о существовании различных кружков.

Странная аберрация зрения, вызванная всеобщим убеждением советских историков в существовании такого единого заговора, заставляла М.Н. Покровского и других авторов видеть доказательства его существования даже там, где прямо утверждалось противоположное. Так, участие Алексеева в заговоре доказывалось ссылкой на Деникина, рассказывавшего, что Алексееву было предложено участие в одном из планов переворота, но он выступил против такого плана²⁹. Руководящая роль Прогрессивного блока и в частности кадетской партии в заговоре выводилась из слов Милокова о том, что кружок из членов бюро блока и ряда других лиц в связи с широко распространившимися в обществе слухами о перевороте, «в виду очевидной возможности переворота, *хотя и не будучи точно осведомлен о приготовлениях к нему* (выделено мною. — В.Д.), обсуждал вопрос о том, какую роль должна сыграть после переворота Гос. Дума»³⁰.

²⁶ *Его же*. Очерки по истории революционного движения. С. 206—207.

²⁷ Там же. С. 210.

²⁸ Нас в данном случае не интересует, так ли это было на самом деле. В соответствующей главе об этом плане будет идти речь. Здесь важно отметить, что у М.Н. Покровского не было иных материалов, которые давали бы ему возможность изображать план Курлова как план, принятый Николаем к исполнению. М.Н. Покровский сам ведь говорил, что этот план известен ему лишь «из записок Курлова».

²⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. I. С. 37.

³⁰ *Милоков П.Н.* История второй русской революции. София, 1921. Т. I. С. 36. Нас в данном случае опять-таки интересует не то, насколько правдиво изобразил Милоков события в своей книге, а то, что именно это его сообщение считалось доказательством руководящей роли блока и кадетов в подготовке переворота.

Схема «двух заговоров», нарисованная М.Н. Покровским, включала в себя, таким образом, во-первых, соединение в «заговоре царизма» в единое целое планов подавления оппозиции внутри страны (разгон Думы) с попытками заключить сепаратный мир с Германией (доказать существование таких попыток М.Н. Покровский также не смог); во-вторых, утверждение о существовании единого формального «заговора прогрессивного блока», объединявшего в своих рядах буржуазных лидеров, высший генералитет и великокняжескую оппозицию (поскольку убийство Распутина объявлялось частью этого заговора).

Эта схема, которую М.Н. Покровский подтвердил в 1927 г., переиздав *«Очерки по истории революционного движения в России»* (хотя одновременно он выступил против характеристики Февральской революции как социалистической)³¹, оказала огромное влияние на работы других советских историков, хотя никто из них и не принял ее во всех деталях.

Литература второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. Общий обзор

В литературе второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. можно (хотя и с определенной долей условности) выделить три типа работ, относящихся к рассматриваемой нами проблеме. Первую группу представляла серия портретных зарисовок И.М. Василевского (Не-Буква) *«Николай II»* (Пг., 1923), С. Любоша *«Последние Романовы»* (Л., 1924), Н.Н. Евреинова *«Тайна Распутина»* (Л., 1924), В.А. Апушкина *«Генерал от поражений В.А. Сухомлинов»* (Л., 1925), В.А. Канторовича *«Александра Федоровна»* (Л., 1927), К. Бецкого и П. Павлова *«Русский Рокамболь (И.Ф. Манасевич-Мануйлов)»* (Л., 1927), Д.О. Заславского *«Рыцарь монархии Шульгин»* (Л., 1927) и *«Последний временщик Протопопов»* (Л., 1927), Н.Н. Фирсова *«Николай II. Опыт личной характеристики»* (Казань, 1929) и отчасти П.Е. Щеголева *«Последний рейс Николая Второго»* (М.; Л., 1928).

Общим для всех этих психологических этюдов был тезис, сформулированный Д.О. Заславским: «В личности Николая II, во всем антураже царскосельского дворца <...> дегенерация, не только политическая и социальная, но и физиологическая, доведена, была до крайнего предела»³². На подчеркивании моментов дегенерации Николая, Александры и их окружения и были построены все эти работы, содержавшие немало интересных биографических сведений и ярких зарисовок, но не касавшихся широких социальных и политических проблем. Только Д.О. Заславский вышел за пределы биографического очерка к общим проблемам истории, вынужденный к этому самим характером своего героя. Об этой стороне его брошюры речь будет идти в дальнейшем.

Вторую группу составляли работы, в которых рассматриваемые нами проблемы ставились в общем плане, без привлечения большого фактического материала. К этой группе можно отнести курс лекций С.А. Пионтковского *«Очерки истории России в XIX–XX вв.»* (Харьков, 1928), переизданный в 1935 г. без особых изменений в интересующих нас разделах, книгу В.И. Невского *«История РКП(б). Краткий очерк»* (Л., 1926), главу И.И. Минца *«Характер и перспективы Февральской революции»* в IV томе *«Истории ВКП(б)»* под редакцией Ем. Ярославского (М.; Л., 1929), брошюры Г.А. Ржанова *«Десятый февраль. 1917–1927. Популярно-исторический очерк»* (М.; Л., 1927), М.Г. Гайсинского *«Февральская революция (1917–1927). Популярный очерк»* (М.; Л., 1927), Е.П. Кривошеиной *«Февральская революция»* (М.; Л., 1926),

³¹ Покровский М.Н. Октябрьская революция. С. 97, 100.

³² Заславский Д.О. Последний временщик Протопопов. Л., 1927. С. 3.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

Д. Эрде «Февраль как пролог Октября» (Харьков, 1931), Е. Фокина «Февраль 1917 г.» (М., 1932) и другие, статьи А. Шестакова «Исторический опыт Февраля»³³, Я. Яковлева «Февральские дни 1917 г.»³⁴ и т. д.

Характер этих работ определялся не только влиянием методологии М.Н. Покровского, но и тем, что для большинства авторов (и читателей) сами события 1914–1917 гг. были еще свежи в памяти, и они строили свои выводы, опираясь на факты, которые предполагались общеизвестными. Однако привычка к скороговорке отрицательно сказывалась на некоторых работах, ведя к фактическим неточностям там, где не требовалось исследования для установления истины. Так, В.И. Невский писал, что в Гос. думе «был образован так называемый прогрессивный блок, который с объявлением войны торжественно поклялся помогать царю довести войну до победного конца» и что под давлением блока правительство пошло на разрешение земского и городского союзов³⁵. Образование прогрессивного блока было, таким образом, перенесено В.И. Невским с лета 1915 г. на предвоенный период и блок оказался созданным раньше земского и городского союзов, хотя в действительности дело обстояло наоборот.

С явными ошибками излагала события и О.А. Варенцова в статье «Ленин в Февральской революции». «Николай II <...> — писала она, — не шел ни на какие уступки, подписав приказ о роспуске Государственной думы и Гос. совета в тот день, когда мятежные войска присоединились к революционному пролетариату. И только тогда государственная дума под воздействием послых союзных правительств <...> делает робкие и нерешительные шаги, организуя временный комитет государственной думы»³⁶. К тому времени, когда О.А. Варенцова писала свою статью, из опубликованных протоколов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства³⁷ было уже известно, что председатель Совета министров Голицын использовал 26 февраля (а не в день солдатского восстания — 27-го) бланк указа, заранее подписанный Николаем без указания даты. Была также известна запись частного совещания членов Думы, на котором был создан Временный комитет. Из этой записки со всей очевидностью вытекало, что комитет был создан под воздействием ширящегося восстания рабочих и солдат, а не союзных послых.

Наконец, третья группа состояла из книг и статей, в которых авторы ставили перед собой цель исследования тех или иных аспектов политического кризиса верхов накануне февраля 1917 г. и самой Февральской революции на базе нового для тех лет фактического материала. Мы имеем в виду книги Б.Б. Граве «К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны» (М.; Л., 1926), Э.Б. Генкиной «Февральский переворот»³⁸, Е.И. Мартынова «Царская армия в февральском перевороте» (М., 1927), М. Балабанова «Царская Россия XX века (Накануне революции 1917 года)» (Харьков, 1927), В.П. Семенникова «Политика Романовых накануне революции» (М.; Л., 1926) и «Романовы и германские влияния» (М.; Л., 1929), статьи А.Е. Ефимова «Проблема власти в первые дни февральской революции 1917 г.»³⁹, Е.П. Кривошеиной «Причина передачи власти Петроградским Советом буржуазии в Февральскую революцию»⁴⁰, А. Владимирова «Буржуазия между двумя революциями»⁴¹ и некоторые другие.

³³ Коммунистическая революция. 1927. № 6. С. 3–12.

³⁴ Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 61–111.

³⁵ Невский В. История РКП(б). Краткий очерк. Л., 1926. С. 400.

³⁶ Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 22.

³⁷ Падение царского режима. М.; Л., 1925–1927. Т. I–VII.

³⁸ Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 3–110.

³⁹ Революция права. 1928. № 3. С. 51–65.

⁴⁰ Советское государство и революция права. 1931. № 1. С. 134–144; № 2. С. 130–144.

⁴¹ Проблемы марксизма. 1931. № 8–9. С. 136–160.

**Проблема «двух заговоров» в литературе
1920-х — начала 1930-х гг.**

Наибольшее внимание в работах второй и третьей из указанных выше групп уделялось проблеме «двух заговоров». Как уже отмечалось, среди советских историков господствовало убеждение в существовании единого заговора буржуазии, основывавшееся на сведениях о реально существовавших заговорах различных кружков и еще более подкрепленное авторитетом М.Н. Покровского. Поэтому за немногими исключениями тезис о «заговоре буржуазии» выдвигался всеми авторами. При этом, однако, в мотивировке заговора наметилось расхождение.

Часть авторов по-прежнему придерживалась точки зрения М.Н. Покровского, что основной целью дворцового переворота стояло предотвратить заключение сепаратного мира. На этой точке зрения стоял В.П. Семенников⁴² и следовавший его схеме расстановки сил в правящих верхах Ф.Д. Кретов⁴³, а также Е. Фокин, писавший, что заговор был «актом протеста руководящей финансовой и промышленной буржуазии против попыток придворной шайки заключить сепаратный мир с Германией, поскольку это означало для буржуазии потерю военных прибылей»⁴⁴. В основном близкую позицию занимал и И.И. Минц, также писавший в 1929 г.: «Для промышленной буржуазии сепаратный мир означал прекращение миллионных прибылей, получаемых от работы на войну. Такой удар переполнил чашу терпения. Окрыляемая сознанием тяжести потери прибылей, подгоняемая буквально наступающей на пятки революцией, буржуазия решается на смелый шаг»⁴⁵.

Иную точку зрения формулировал А. Шестаков, подчеркивавший, что «заговор буржуазии» «должен был бы предотвратить революцию»⁴⁶. Подобно А. Шестакову М. Балабанов также видел главную причину, вызвавшую подготовку дворцового переворота, в убеждении буржуазных лидеров в том, что «если буржуазия не станет у власти, революция сметет ее вместе с монархией»⁴⁷. Точно так же и Б.Б. Граве считала, что буржуазия стремилась «путем дворцового переворота спастись от революции»⁴⁸.

Авторы, считавшие существование единого «заговора буржуазии» «точно установленным»⁴⁹ с «бесспорной очевидностью»⁵⁰, либо не считали этот тезис нуждающимся в доказательстве, либо доказывали его ссылками на все тот же узкий круг белых мемуаров — Деникина, Милюкова, Станкевича⁵¹, в которых говорилось о существовании разрозненных заговорщических групп. При этом они включали в число участников «заговора буржуазии» и фрондирующих членов императорской семьи. Так, М.Г. Гайсинский излагал подготовку дворцового переворота следующим образом: «Недовольные ведением войны представители Антанты, исчерпав все “законные” средства воздействия на царское правительство, стали замышлять вместе с оппозиционной буржуазией дворцовый переворот. Стали организовываться специально кружки среди привилегированной знати, имевшие целью подготовку дворцового переворота». После этого М.Г. Гайсинский приводил рассказ Милюкова о суще-

⁴² Семенников В.П. Политика Романовых накануне революции. М.; Л., 1926. С. 215—216.

⁴³ Новый мир. 1932. № 2. С. 147—168.

⁴⁴ Фокин Е. Февраль 1917 г. М., 1932. С. 10.

⁴⁵ История ВКП(б) / Под ред. Ем. Ярославского. М.; Л., 1929. Т. IV. С. 16.

⁴⁶ Коммунистическая революция. 1927. № 6. С. 5.

⁴⁷ Балабанов М. Царская Россия XX века. Харьков, 1927. С. 201.

⁴⁸ Граве Б.Б. К истории классово-борьбы в России в годы империалистической войны. М.; Л., 1926. С. 382.

⁴⁹ Коммунистическая революция. 1927. № 6. С. 5.

⁵⁰ Старосельский Я.В. Идеология либерализма в столкновении с революцией // Революция права. 1927. № 3. С. 119.

⁵¹ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914—1919. Берлин, 1920.

ствовании кружков Крымова и деятелей Прогрессивного блока и далее утверждал, что «убийство Распутина исходило из тех же кругов»⁵². Частью «заговора буржуазии» считали убийство Распутина также М. Балабанов⁵³ и Е. Фокин. Последний писал при этом, что убийство было совершено «отъявленным черносотенцем Пуришкевичем и представителями великокняжеской клики вкупе с лидерами кадетской партии»⁵⁴. Исходя из отождествления «заговора буржуазии» и великокняжеской фронды, И.И. Минц в качестве иллюстрации связи заговорщиков с представителями Антанты приводил разговор французского посла М. Палеолога с великой княгиней Марией Павловной, обработанный Палеологом в его воспоминаниях таким образом, чтобы показать, будто он подталкивал Марию Павловну к мысли о цареубийстве⁵⁵.

Видное место в схеме «заговора буржуазии» отводилось участию в этом заговоре высшего генералитета и, особенно, начальника штаба Ставки генерала М.В. Алексеева. Убежденный в его причастности к заговору, П.Е. Щеголев рассматривал сквозь призму этого убеждения действия Алексеева в дни революции, считая, что Алексей «стал подготавливать главнокомандующих фронтами к мысли о неизбежности передачи власти Государственной думе» сразу после отъезда Николая из Ставки утром 28 февраля⁵⁶, что он саботировал организацию карательного похода генерала Н.И. Иванова на восставший Петроград и сознательно дезинформировал Иванова о положении в Петрограде, чтобы склонить его к соглашению с Думой⁵⁷. При этом П.Е. Щеголев проходил мимо всех документов Ставки (на основе которых он строил свою книгу), свидетельствовавших о большой активности Алексеева в подготовке карательного похода. Он игнорировал также документы, которые показывали, что сведения о событиях в Петрограде просачивались в Ставку в самом искаженном виде и давали Алексееву основания считать, что дело обстоит именно так, как он сообщал Иванову⁵⁸.

С утверждений о причастности генерала Алексеева к заговору начал свою статью «Армия и флот в Февральской революции» и А.К. Дрезен⁵⁹, писавший, что «штаб во главе с генералом Алексеевым установил тесную связь с лидерами кадетской партии, маскируясь продовольственными, санитарными и экономическими организациями»⁶⁰. Однако по ходу изложения А.К. Дрезен был вынужден вступить в противоречие с самим собой и признать, что до 1 марта Алексей активно пытался организовать карательный корпус Иванова, «стремясь сохранить в неприкосновенности самодержавие» и резко протестуя в телеграммах к Родзянко против действий «агентов» Думы⁶¹.

Более глубокое изучение позиции буржуазии в годы войны привело авторов лучших работ 1920-х гг., посвященных Февральской революции и ее предпосылкам, — Б.Б. Граве и Э.Б. Генкину — к меньшей категоричности в вопросе о «заговоре буржуазии». Отметив наличие среди буржуазных лидеров различных взглядов по вопросу о тактике давления на правительство, Э.Б. Генкина хотя и считала, что «наиболее решительные и активные лица как той, так и другой стороны встречаются на одной общей

⁵² Гайсинский М.Г. Февральская революция М.; Л., 1927. С. 29–30.

⁵³ Балабанов М. Указ. соч. С. 206–207.

⁵⁴ Фокин Е. Указ. соч. С. 10.

⁵⁵ История ВКП(б). Т. IV. С. 16; См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 294–297.

⁵⁶ Щеголев П.Е. Последний рейс Николая Второго. М.; Л., 1928. С. 33.

⁵⁷ Там же. С. 59.

⁵⁸ Красный архив. 1927. № 2(21). С. 42.

⁵⁹ Красная летопись. 1932. № 1–2(46–47). С. 22–68.

⁶⁰ Там же. С. 32.

⁶¹ Там же. С. 62–64.

дороге — дороге дворцового переворота», но подчеркивала, что «путь дворцового переворота активно “прияла” лишь незначительная группа буржуазии»⁶². Влияние М.Н. Покровского, из семинара которого вышла работа Э.Б. Генкиной, привело к тому, что последняя все же признала существование «заговора прогрессивного блока», в участники которого она зачислила всех буржуазных и мелкобуржуазных деятелей, а также военных, чьи имена так или иначе упоминались в связи с какими-либо разговорами или слухами о заговоре. Так, для включения в число участников «заговора прогрессивного блока» Керенского и лидеров меньшевиков Чхеидзе, Чхенкели и Скобелева оказалось достаточно слуха, воспроизведенного в воспоминаниях А.Г. Шляпникова⁶³. Но все же Э.Б. Генкина выступила против смешивания этого «заговора» с великокняжеским заговором против Распутина⁶⁴.

Позиция Б.Б. Граве оказалась весьма противоречивой, как из-за явного влияния взглядов М.Н. Покровского, так и из-за того, что Б.Б. Граве, видевшая значительные разногласия в буржуазном лагере, все же пыталась писать о буржуазии в целом. Поэтому она то утверждала, что «руководящая верхушка» буржуазии «пришла к необходимости дворцового переворота»⁶⁵, то говорила, что «руководящие круги» буржуазии «боялись последствий даже дворцового переворота» и «стремились его избежать»⁶⁶. Под явным влиянием М.Н. Покровского Б.Б. Граве, не имея доказательств этого, все же соглашалась, что убийцы Распутина «осуществляли общую волю» великокняжеской семьи и буржуазных организаций⁶⁷.

Явное сомнение в существовании единого заговора проявил В.И. Невский, считавший к тому же, что ни один из существовавших кружков заговорщиков не решился на дворцовый переворот и дело ограничилось убийством Распутина. Но, перечисляя участников двух из существовавших, по его мнению, организаций, В.И. Невский допустил ничем не объяснимые ошибки, включив в число участников группы Гучкова членов Думы Крупенского и Бобринского и назвав их при этом октябристами⁶⁸.

В двух работах, опубликованных в 1927 г., их авторы вообще выступали против существования «заговора буржуазии». В статье «Февральские дни 1917 г.»⁶⁹ представлявшей собой вводную главу к так и не написанной истории Октябрьской революции, Я. Яковлев настойчиво подчеркивал, что «дальше речей в государственной думе <...> политические вожди буржуазии не идут». Отметив, что слух о близком к осуществлению заговоре Крымова или Гучкова распространялся самими буржуазными лидерами сразу после февраля для того, чтобы преувеличить свою роль в февральских событиях, Я. Яковлев писал:

«Парламентские комбинации в стране, в которой не было парламентаризма <...> закулисное воздействие на родственников царя с целью родственного улаживания кризиса, намеки на дворцовый заговор без решимости этот дворцовый заговор произвести <...> и, наконец, убийство Распутина <...> — вот все, что смогли противопоставить политики буржуазии в деле прямой борьбы с царизмом <...> Буржуазные лидеры — не только политики, но и земцы, но и промышленники — оказались неспособны даже на заговор»⁷⁰.

⁶² Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 27.

⁶³ Там же. С. 32.

⁶⁴ Там же. С. 27.

⁶⁵ Граве Б.Б. Указ. соч. С. 369.

⁶⁶ Там же. С. 383.

⁶⁷ Там же. С. 381–382.

⁶⁸ Невский В. Указ. соч. С. 401.

⁶⁹ Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 61–111.

⁷⁰ Там же. С. 68–69, 71.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

Не столь категорически, но достаточно определенно высказывался в книге «Гибель царизма» С. Мстиславский, говоривший, что лидеры Думы откладывали счета с царизмом до окончания войны в надежде, что «к концу войны она станет необходимой настолько, что власть перейдет к ней, всего вероятнее, без всяких потрясений, путем и “самоограничения” или даже “самоотречения” правящих»⁷¹. Несколько позже против «заговора буржуазии» выступил А. Владимиров в статье «Буржуазия между двумя революциями». «Верный своей авантюристической натуре, А.И. Гучков вместе с несколькими генералами и деятелями военно-промышленных комитетов, — писал А. Владимиров, — разрабатывал план “мирного” переворота. Но все эти попытки что-то сделать, кроме речей и помимо законных средств, лишь оттеняли бессилие имущих классов, “смертельно испугавшихся своего собственного правительства” и дрожавших перед революцией»⁷².

Наиболее активным сторонником версии о «заговоре царизма», имевшем целью заключение сепаратного мира с Германией, выступил в 1920-е гг. В.П. Семенников, посвятивший разбору этой проблемы обе свои книги (вернее — одну книгу, изданную в двух вариантах, различавшихся построением, но не содержанием). В отличие от М.Н. Покровского В.П. Семенников считал носителями тенденции к сепаратному миру не «торговый капитал», а правых, действовавших из политических убеждений (что не вызывает возражений), и «пацифистскую» по его терминологии финансовую группу, состоявшую из руководителей банков и металлообрабатывающей промышленности и в значительной мере персонифицировавшуюся в его глазах в лице крупного биржевого дельца И.П. Мануса. Причины «пацифизма» Мануса и других представителей этой группы В.П. Семенников видел в их зависимости от германского капитала. Зависимость эта доказывалась просто — Манус крупнейший акционер Петроградского Международного и член Совета Сибирского банков, в которых якобы решающую роль играли соответственно «Дисконто Гезельшафт» и Немецкий банк, и вот уже Манус фигурирует «как представитель стремящейся к сепаратному миру германской буржуазии»⁷³, и «тесная связь» Мануса с германским капиталом диктует ему «ту политическую линию, которая была выгодна Германии»⁷⁴.

По мнению В.П. Семенникова, Распутин и Александра Федоровна являлись с самого начала сторонниками мира с Германией, и после отстранения летом 1915 г. по их проискам великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего «к государственному аппарату стала постепенно подходить “пацифистская” группа»⁷⁵, а стремление к миру стало «руководящей линией распутинско-романовской политики»⁷⁶. Более того, В.П. Семенников считал бесспорным существование «связи между романовским тронem и германским капиталом»⁷⁷, поскольку Манус был связан с Распутиным. В полном убеждении, что никаких доказательств не нужно, В.П. Семенников считал, что «состоятельным русско-польским евреем», который весной 1915 г. вел в Швеции переговоры с директором Немецкого банка Монкевицем, был, конечно же, Манус⁷⁸.

Тщательно собрав все известные к тому времени факты о попытках Германии заключить в 1915 г. сепаратный мир с Россией (такие же попытки предпринимались

⁷¹ Мстиславский С. Гибель царизма. Л., 1927. С. 63.

⁷² Проблемы марксизма. 1931. № 8—9. С. 160.

⁷³ Семенников В.П. Указ. соч. С. 139.

⁷⁴ Его же. Романовы и германские влияния. М.; Л., 1929. С. 85.

⁷⁵ Его же. Политика Романовых. С. 102.

⁷⁶ Там же. С. 4.

⁷⁷ Там же. С. 136.

⁷⁸ Его же. Романовы и германские влияния. С. 116.

германской дипломатией и в отношении Англии и Франции, так как ее целью был раскол Антанты), В.П. Семенников попытался доказать, что и в 1916–1917 гг. продолжались переговоры о сепаратном мире, причем с большей, чем в 1915 г., заинтересованностью с русской стороны. Поэтому он придавал исключительно большое значение встрече А.Д. Протопопова с немецким банкиром Варбургом летом 1916 г., тем более что Протопопов как раз по его схеме был председателем Совета съездов металлургов. Хотя В.П. Семенников вынужден был признать, что, по имеющимся в его распоряжении данным, царизм не сделал решительного шага в сторону сепаратного мира из-за боязни революции⁷⁹, он все же взял на себя смелость утверждать, что 24 февраля 1917 г. на совещании ряда правых деятелей было принято решение о сепаратном мире. Единственным основанием для такого утверждения (поскольку В.П. Семенников признавался, что не знает, о чем говорилось на совещании) было то обстоятельство, что именно 24 февраля (9 марта по новому стилю) австрийский министр иностранных дел О. Чернин получил вторую из телеграмм, связанных с каким-то неясным предложением о переговорах, причем хотя Чернин считал, что речь идет о России, в телеграмме это прямо не говорилось, и она шла из нейтрального государства⁸⁰.

Версия В.П. Семенникова была полностью повторена в упоминавшейся выше статье Ф.Д. Кретьева. На В.П. Семенникова, ставшего основным авторитетом в данном вопросе, ссылался в своей главе в «Истории ВКП(б)» И.И. Минц⁸¹. Ссылкой на мемуары Чернина подкреплял тезис о решении царизма заключить мир с Германией и М. Балабанов, а М.Г. Гайсинский писал о «шайке бывшего конокрада Распутина, почти открыто вступившего в связь с немецкими кругами»⁸². Надо, однако, отметить, что М. Балабанов, говоря о «заговоре царизма», уже ставил на первое место стремление к усилению реакционного внутриполитического курса, связывая с этими планами и стремление к сепаратному миру⁸³.

В отличие от М.Н. Покровского, В.П. Семенникова и других авторов, считавших если не доказанными, то почти несомненными активные шаги царизма в сторону сепаратного мира, Б.Б. Граве и Э.Б. Генкина относились к этому с недоверием. Б.Б. Граве оговаривалась, что слухи о сепаратных переговорах не основаны на фактах, и писала: «Сепаратный мир мог стоить царизму его существования <...> страх революции и сковывал царизм в его стремлении к миру»⁸⁴. На тех же позициях стояла и Э.Б. Генкина, единственная из всех исследователей последовавшая за М.Н. Покровским в определении «торгового капитала» как носителя «мирных» тенденций⁸⁵. Тот же аргумент выдвигал против утверждений о реальных шагах царизма к миру и В. Комаров в статье «Двоевластие в 1917 г.», снова подчеркивавший, что «финансовая зависимость от западноевропейского капитала и боязнь революции делали совершенно невозможным для правительства сделать сколько-нибудь решительный шаг в сторону мира»⁸⁶. При этом, разумеется, никто из названных авторов не отрицал ни тяготения определенных кругов к выходу из войны, ни объективных причин, обуславливавших такое тяготение.

⁷⁹ *Его же*. Политика Романовых. С. 186.

⁸⁰ Там же. С. 60–61, 140.

⁸¹ История ВКП(б). Т. IV. С. 15–16.

⁸² *Гайсинский М.Г.* Ук. Соч. С. 28.

⁸³ *Балабанов М.* Указ. соч. С. 188–191.

⁸⁴ *Граве Б.Б.* Указ. соч. С. 341–342, 345.

⁸⁵ *Генкина Э.Б.* Указ. соч. С. 12.

⁸⁶ Советское государство. 1932. № 7–8. С. 177.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

Особняком стояла работа С.А. Пионтковского, который, запутавшись в проблеме, на одной и той же странице утверждал (ссылаясь все на того же Чернина и на документы из публикации «Константинополь и проливы»), что к 1917 г. «царизм сам начинает предпринимать попытки заключения сепаратного мира» и что «российское правительство в течение мировой войны не вело отдельных от союзников переговоров о мире»⁸⁷. Эту противоречивую позицию С.А. Пионтковский сохранил и в 1935 г. при переиздании своей книги.

**Отдельные проблемы истории буржуазии и самодержавия
в литературе 1920—1930-х гг.**

Проблема «двух заговоров» была главной, но не единственной, затрагивавшейся в литературе 1920 — начала 1930-х гг. Многие авторы стремились дать, хотя и в самой общей форме, ответ на вопрос о причинах конфликта между буржуазией и царизмом. При этом в целом ряде работ сквозило преувеличение степени эволюции самодержавия в сторону буржуазной монархии, против чего уже в 1927 г. справедливо возражал М.Н. Покровский⁸⁸. Тем не менее тезис о такой эволюции и преувеличение политической роли буржуазии присутствовали во многих книгах и статьях. Так, С.А. Пионтковский утверждал, что «охват всей экономической жизни, в том числе и самого самодержавия, лапами финансового капитала не только открывал возможность отдельным финансовым группам бороться за господство над самодержавием, но и заставил самодержавие верно служить той финансовой клике, которая сумела захватить и использовать в своих интересах докапиталистическую форму власти в России»⁸⁹. Характеризуя предвоенную и военную расстановку классовых сил в стране, Д. Эрде также считал, что самодержавие меняло «на ходу свое прежнее социальное содержание»⁹⁰.

Из этого вытекала недооценка или просто неправильное освещение политических противоречий между царизмом и буржуазией. Тот же Д. Эрде видел «первые признаки серьезной ссоры между царизмом и буржуазией» лишь в 1915 г. (это, возможно, было еще только неудачной формулировкой), причем считал, что и тогда «буржуазия отнюдь не склонна была использовать военные поранения царизма, чтобы вынудить у него политические уступки»⁹¹.

Тем самым сводился на нет политический смысл программы Прогрессивного блока. В уже упоминавшейся статье «Двоевластие в 1917 г.» В. Комаров также рисовал картину полного единства царизма и буржуазии в годы войны, нарушившегося лишь тем, что «правительство иногда позволяло немного задеть интересы буржуазии вроде того, как задержка созыва Государственной Думы, издание закона о подоходном налоге»⁹². Явными

⁸⁷ Пионтковский С.А. Очерки истории России в XIX—XX вв. Харьков, 1928. С. 264.

⁸⁸ Покровский М.Н. Октябрьская революция. С. 97.

⁸⁹ Пионтковский С.А. Указ. соч. С. 266.

⁹⁰ Эрде Д. Февраль как пролог Октября. Харьков, 1931. С. 5.

⁹¹ Там же. С. 66.

⁹² Советское государство. 1932. № 4. С. 175. Эта цитата характерна для «литературных достоинств» всей статьи, растянутой на пять номеров журнала. Написанная после опубликования письма И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», статья В. Комарова претендовала на «марксистскую критику» всей ранее опубликованной литературы о двоевластии, но свидетельствовала лишь о теоретической и литературной безграмотности автора.

преувеличениями отличалась и называвшаяся выше статья А.К. Дрезена. Хотя он и видел противоречия буржуазии и царизма, он все же изображал дело так, будто

«через свой политический центр в Думе — прогрессивный блок — буржуазия широко и глубоко внедряет ряд своих организаций в экономическую и политическую жизнь страны. Созданием Центрального военно-промышленного комитета с губернскими отделами, «Союза городов» и т. п. буржуазия получила в свои руки возможность управлять всей военной экономикой (через «особые совещания») и стала фактически руководящей силой»⁹³.

При такой постановке вопроса исчезали или преуменьшались постоянно действовавшие факторы политического кризиса верхов и объяснения причин изоляции самодержавия сводились к страху буржуазии перед сепаратным миром и ее неверию в способность царизма выиграть войну. Снова, как и у М.Н. Покровского, война в изображении таких авторов оказывалась, хотя и неосознанно для них самих, не «гигантским ускорителем», а причиной кризиса верхов.

Противоположную позицию занимали А. Владимиров и Г.А. Ржанов. Первый из них посвятил свою статью анализу взаимоотношений буржуазии и самодержавия главным образом в предвоенные годы (из 24 страниц статьи периоду войны отведено всего 2). Он констатировал уже к 1912 г. далеко зашедший процесс распада третьейиюньского блока и отмечал, что уже в этот период промышленная буржуазия находилась в оппозиции к царизму, причем «стремление к политическому самоопределению среди промышленной буржуазии никогда не было столь сильным, как в годы промышленного подъема»⁹⁴. Г.А. Ржанов в своей брошюре «Десятый Февраль» в оченй категорической форме подчеркивал, что стремительный успех революции был связан с сохранением в России устаревшего политического строя, при котором «правлящим классом, главной опорой трона, был класс крупных помещиков полукрепостнического типа», а «промышленная буржуазия в целом была отстранена от власти»⁹⁵. Отметив, как и А. Владимиров, совпадение внешнеполитической агрессивной платформы буржуазии и царизма, приведшее к созданию «блока царизма, прогрессивной буржуазии и капиталистических аграриев», Г.А. Ржанов подчеркивал, что еще до войны «этот блок был полон неразрешимых внутренних противоречий»⁹⁶.

В основном этой же точки зрения придерживалась Б.Б. Граве, также отмечавшая, что «конфликт между буржуазией и царизмом был обусловлен прежде всего наличием в России остатков крепостничества и в связи с этим общих противоречий между буржуазией и старым порядком»⁹⁷. Однако в ряду причин, обостривших конфликт в годы войны, Б.Б. Граве делала, пожалуй, чрезмерный акцент на борьбе вокруг военных заказов, делавшей «участие во власти для буржуазии <...> насущной необходимостью»⁹⁸. Эта проблема как раз была в основном разрешима и при старой системе управления.

Полемике против тезиса о решающей эволюции самодержавия в сторону буржуазной монархии посвятила введение к своей работе Э.Б. Генкина, видевшая в приспособлении царизма к задачам буржуазного развития «тактику самодержавия, не

⁹³ Красная летопись. 1932. № 2. С. 25–26.

⁹⁴ Проблемы марксизма. 1931. № 8–9. С. 149.

⁹⁵ Ржанов Г.А. Десятый февраль. 1917–1927. Популярно-исторический очерк. М.; Л., 1927. С. 13–14.

⁹⁶ Там же. С. 15.

⁹⁷ Граве Б.Б. Указ. соч. С. 368.

⁹⁸ Там же. С. 369.

потерявшего своей старой социальной сущности»⁹⁹. Крепостническую сущность самодержавия подчеркивал и И.И. Минц¹⁰⁰.

С вопросом о взаимоотношениях между царизмом и буржуазией самым тесным образом были связаны попытки характеристики различных группировок внутри буржуазного лагеря. К сожалению, такие попытки делались лишь немногими авторами, а в большинстве работ о буржуазии говорилось «вообще», как о некоей единой в экономическом и политическом отношении категории. Еще дальше зашел С.А. Пионтковский, который, проводя справедливую в основе мысль о процессе политической консолидации буржуазии в годы войны, доходил до крайностей и не только утверждал, что создание Прогрессивного блока свидетельствовало «о нивелировке буржуазии, об уничтожении разницы между отдельными слоями буржуазии», но и видел в блоке «форму политической самоорганизации буржуазии», совершенно игнорируя наличие в нем помещичьего крыла¹⁰¹. В подобном, ставшем впоследствии очень частым, забвении двойственной природы Прогрессивного блока сказывалась переоценка С.А. Пионтковским политического влияния буржуазии, а также влияние на него концепции М.Н. Покровского о «торговом капитале», при которой и помещики и капиталисты попадали у М.Н. Покровского под определение «империалистской буржуазии»¹⁰².

Приходится признать, что и те авторы, которые пробовали дать характеристику различных группировок буржуазии, не смогли еще из-за недостаточности имевшихся в их распоряжении материалов прийти к правильным выводам. Э.Б. Генкина ограничилась упоминанием о существовании левого крыла буржуазии (имелось в виду левое крыло буржуазной оппозиции), подразумевая при этом московских прогрессистов, поскольку речь шла о разногласиях в связи с тактикой внедумской деятельности¹⁰³. Она, очевидно, исходила из материалов, введенных в научный оборот Б.Б. Граве, которая также делила буржуазию (опять-таки на деле лишь буржуазную оппозицию) на два крыла — московские промышленники и все остальные. Развитие политических настроений московских промышленников Б.Б. Граве характеризовала очень прямолинейно, не увидев колебаний в их позиции в годы войны¹⁰⁴. Примерно ту же оценку разногласиям в буржуазном лагере давал и А. Владимиров, проводивший водораздел между московскими промышленниками, положившими начало «объединению прогрессивных элементов промышленной буржуазии в самостоятельную политическую группу», и остальной буржуазией, ушедшей после 1905 г. к октябристам¹⁰⁵. Помещичий элемент в октябристской партии выпал из поля зрения А. Владимирова, зато при анализе кадетского либерализма он подчеркивал его «аграрный характер»¹⁰⁶.

Выделяя московских промышленников как левый фланг буржуазного лагеря, Э.Б. Генкина, Б.Б. Граве и А. Владимиров не давали объяснения, чем была вызвана такая позиция московских капиталистов, не давали характеристики особенностей московской группировки в российском торгово-промышленном классе и, собственно, не видели существа этих особенностей. Поэтому Б.Б. Граве, не проводя грани между московской и петроградской группами буржуазии, писала, что «по своему составу <...> военно-промышленные комитеты (руководимые москвичами. — В.Д.) явля-

⁹⁹ Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 4.

¹⁰⁰ История ВКП(б). Т. IV. С. 13.

¹⁰¹ Пионтковский С.А. Указ. соч. С. 271.

¹⁰² Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения. С. 200.

¹⁰³ Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 23–25.

¹⁰⁴ Граве Б.Б. Указ. соч. С. 305–306.

¹⁰⁵ Проблемы марксизма. 1931. № 8–9. С. 136.

¹⁰⁶ Там же.

лись организациями крупного *финансового* (выделено нами. — *В.Д.*) капитала»¹⁰⁷, а А. Владимиров не видел разницы в экономическом и политическом лице групп, объединявшихся вокруг военно-промышленных комитетов и Совета съездов представителей промышленности и торговли¹⁰⁸.

В отличие от названных выше авторов В.П. Семенников, М. Балабанов и Д.О. Заславский говорили о водоразделе между буржуазной оппозицией и той частью буржуазии, которая выступала в союзе с самодержавием. При этом для В.П. Семенникова характерно преувеличение влияния реакционного крыла буржуазии на политику царизма. В.П. Семенников отождествлял «пацифистское» течение финансового капитала (банки и металлозаводчики) с буржуазной реакцией, а «империалистское», провоенное течение — с буржуазным либерализмом, видя главную опору этого течения в текстильной (т. е. московской прежде всего) промышленности¹⁰⁹. Как отмечалось выше, В.П. Семенников полагал, что уже с лета 1915 г. «пацифистская» буржуазия начинает овладевать государственным аппаратом, в связи с чем он утверждал, что «настоящее правительство России составляли <...> Манус, Рубинштейн, Путилов и другие крупнейшие банковские дельцы»¹¹⁰. Крайней расплывчатостью отличались формулировки М. Балабанова, противопоставлявшего поземельное дворянство («торговый капитал») и промышленную буржуазию как социальную базу самодержавия некоей «либеральной буржуазии», которая по букве его определения не была ни торговой, ни промышленной¹¹¹. В последних главах своей книги М. Балабанов говорил о буржуазии «вообще», как силе, противостоящей царизму в борьбе за власть¹¹².

В своей брошюре, посвященной последнему царскому министру внутренних дел А.Д. Протопопову, Д.О. Заславский называл его «доверенным лицом той могущественной части русской буржуазии, которая отдала всякие притязания на политическую власть за широкую возможность наживаться»¹¹³. В принципе такая характеристика была правильной, но Д.О. Заславский преувеличивал значение прихода Протопопова в правительство в сентябре 1916 г. и преуменьшал роль оппозиционного крыла буржуазии, заявляя, что в военно-промышленных комитетах «собралась наиболее шумливая, но не наиболее солидная часть промышленной буржуазии» и что «Коновалов и Терещенко представляли буржуазию в такой же мере, в какой Чхеидзе, Церетели, Либер и Дан представляли рабочий класс»¹¹⁴.

Концепция Д.О. Заславского имела вполне определенное происхождение: он стремился совместить действительный ход февральского переворота с не преодоленной им до конца меньшевистской схемой буржуазной революции. «Глядя на галерею лиц, окружавших царя накануне революции, — писал он, — легко придти к выводу: в феврале революция покончила с дворянской помещичьей диктатурой <...> По меньшевистскому сценарию (в журнальном варианте 1924 г. Д.О. Заславский писал еще об «историческом сценарии». — *В.Д.*) режиссер должен выпустить на сцену буржуазию»¹¹⁵. Не усвоив ленинской характеристики движущих сил буржуазно-демократической революции, Д.О. Заславский, чтобы объяснить причины гегемонии пролетариата в февральские дни, сконструировал

¹⁰⁷ *Граве Б.Б.* Указ. соч. С. 258.

¹⁰⁸ Проблемы марксизма. 1931. № 8—9. С. 159.

¹⁰⁹ *Семенников В.П.* Политика Романовых. С. 153.

¹¹⁰ Там же. С. 162.

¹¹¹ *Балабанов М.* Указ. соч. С. 11, 33, 34.

¹¹² Там же. С. 201.

¹¹³ *Заславский Д.О.* Указ. соч. С. 26.

¹¹⁴ Там же. С. 25, 45.

¹¹⁵ Там же. С. 4.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

схему, по которой «политическое выступление крупной финансовой и промышленной буржуазии произошло за полгода до февральской революции» и заключалось в назначении Протопопова министром, в результате чего «Протопопов формально закрепил союз между короной и капиталом»¹¹⁶.

Если уже попытки наметить различные группировки в буржуазном лагере были немногочисленными, то еще более редкими оказались первые опыты периодизации истории взаимоотношений буржуазии и царизма в годы войны. Для Д.О. Заславского, как мы видели, важнейшим рубежом оказался сентябрь 1916 г., момент, якобы, «политического выступления» буржуазии и заключения ею союза с короной. М. Балабанов и И.И. Минц ограничились противопоставлением двух моментов обострения кризиса верхов — летом 1915 г. и в конце 1916 г. Оба они преувеличивали радикализм буржуазии в 1916 г., считая, что в 1915 г. буржуазия стояла «на позиции, всецело устремленной на соглашение с самодержавием»¹¹⁷ и не пошла дальше «бунта на коленях»¹¹⁸, а вот осенью 1916 г. наступило «резкое изменение»¹¹⁹ и «от попытки соглашения с самодержавием буржуазия переходила к борьбе с ним»¹²⁰. Схема «заговора буржуазии», приверженцами которой были оба названные автора, вела к тому, что за планами дворцового переворота они проглядели тягу буржуазии к соглашению с самодержавием, сохранявшуюся до самого последнего момента.

Наиболее серьезными были схемы периодизации, предложенные Б.Б. Граве и Э.Б. Генкиной. Б.Б. Граве выделила четыре периода — период «единения с царем» от начала войны до весны 1915 г.; лето 1915 г., когда образовался Прогрессивный блок и «вскрылись основные противоречия между буржуазией и царизмом»; осень 1915 г. и первое полугодие 1916 г. — спад политической активности буржуазии и переход правительства в контрнаступление; осень 1916 г. — революционный подъем и обострение политического кризиса верхов¹²¹. Хотя конкретное раскрытие каждого этапа страдало еще неполнотой и целым рядом нечетких определений, в целом эта периодизация соответствовала действительному развитию событий.

Первые два этапа периодизации, предложенной Э.Б. Генкиной, совпадали со схемой Б.Б. Граве. Весь последующий период, начиная с сентября 1915 г., Э.Б. Генкина считала единым этапом краха «неоправдавшихся надежд» прогрессивного блока на приход к власти, этапом, «когда буржуазия чувствует себя обреченной на роль пассивного зрителя»¹²². Правда, в ходе дальнейшего изложения Э.Б. Генкина наметила и четвертый этап, начавшийся с конца 1916 г., когда «наиболее решительные и активные» представители буржуазии встают на путь дворцового переворота¹²³.

Выделение подготовки дворцового переворота как отдельного этапа во взаимоотношениях буржуазии и царизма отрывало периодизацию кризиса верхов от периодизации общего революционного кризиса в стране (поскольку для последней рубежом была именно осень — октябрьские стачки, а не конец 1916 г.). Такова была цена, которую Э.Б. Генкиной пришлось заплатить за верность схеме «заговора буржуазии».

Практически вне поля зрения исследователей оставалась внутренняя политика самодержавия, в которой они отказывались видеть какую-либо определенную ло-

¹¹⁶ Там же. С. 45.

¹¹⁷ Балабанов М. Указ. соч. С. 201.

¹¹⁸ История ВКП(б). Т. IV. С. 15.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Балабанов М. Указ. соч. С. 201.

¹²¹ Граве Б.Б. Указ. соч. С. 229–300, 339–340.

¹²² Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 22.

¹²³ Там же. С. 27.

гику. Так, Я. Яковлев писал, что нарастающему развалу фронта и тыла «царский режим смог противопоставить только непрерывные перестановки на правительственных постах»¹²⁴, а Э.Б. Генкина утверждала, будто «рассмотрение фактов внутренней политики самодержавия неизбежно приводит к выводу об отсутствии какой-либо определенной системы политики, дает картину бесконечных шатаний, не имеющих по существу никакого смысла»¹²⁵.

Исходя из такой оценки, подавляющее большинство авторов ограничивалось общими формулировками о развале власти и министерской чехарде. Исключение составляли сама Э.Б. Генкина, посвятившая ряд интересных страниц вопросу об организации карательного похода генерала Иванова, и Е.И. Мартынов, бывший генерал старой армии, который в книге «Царская армия в Февральском перевороте» подробнее, чем кто-либо другой, рассмотрел действия военных властей в Петрограде 23–28 февраля 1917 г.

Оба эти исследования были, как мы видим, посвящены лишь военно-карательному аспекту внутренней политики самодержавия, притом в самые последние дни его существования. Некоторые наблюдения по поводу особенностей внутриполитического курса Протопопова содержались в брошюре Д.О. Заславского. Большое распространение в литературе получил возникший еще в 1916 г. слух о передаче в соотчетствии с «заговором царизма» пулеметов в распоряжение полиции и об установке этих пулеметов на крышах стратегически важных зданий Петрограда. Только Е.И. Мартынов на основе материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства выступил против этих слухов¹²⁶.

Во всех рассмотренных выше работах политика буржуазии непосредственно в дни Февральской революции рассматривалась в самой общей форме на основе общеизвестных данных. Так, Б.Б. Граве уделила этому всего 4 страницы¹²⁷, а Э.Б. Генкина и еще вдвое меньше. Тем больший интерес представляли статьи А.Е. Ефимова «Проблема власти в первые дни Февральской революции» и Е.П. Кривошеиной «Причины передачи власти Петроградским Советом буржуазии в Февральскую революцию», являвшаяся частью вступительной статьи к не увидевшему свет сборнику документов о Петроградском Совете. А.Е. Ефимов рассматривал борьбу буржуазии (Временного комитета Думы) и Петроградского Совета за влияние на армию и за создание милиции, приводя при этом ряд свежих материалов¹²⁸. Эти вопросы интересовали и Е.П. Кривошеину, хотя основное внимание она сосредоточила на политике соглашательского руководства Исполкома Совета¹²⁹. Годом позже материалы и выводы Е.П. Кривошеиной были повторены В. Комаровым, который, однако, избегал ссылок на ее статью и ссылался на использованные ею источники¹³⁰.

Подводя итоги периоду 1920 — начала 1930-х гг., следует отметить, что, несмотря на все недостатки, указанные нами в рассмотренных выше работах, в этот период был сделан значительный шаг в изучении политического кризиса верхов в годы мировой войны. Ряд авторов и прежде всего — Б.Б. Граве, Э.Б. Генкина и Е.И. Мар-

¹²⁴ Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 67.

¹²⁵ Генкина Э.Б. Указ. соч. С. 13.

¹²⁶ Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927. С. 62–63.

¹²⁷ Граве Б.Б. Указ. соч. С. 394–398.

¹²⁸ Революция права. 1928. № 3. С. 51–65.

¹²⁹ Советское государство и революция права. 1931. № 1. С. 134–144; № 2. С. 130–144.

¹³⁰ При этом он из-за уже отмечавшейся неподготовленности к научной работе, видимо, не всегда понимал, что списывает, и искажал сноски. Так, ссылку на архив Октябрьской революции (АОР. Ф. 6. № 25. Ст. 1) он превратил в бессмысленное: «АОР», № 25. (Советское государство. 1932. № 9–10. С. 196).

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

тынов (в специфическом и более узком аспекте) использовали более широкий круг материалов, чем те, которые находились в обращении раньше. От опоры на собственные воспоминания и мемуары других лиц эти исследователи перешли к анализу архивных документов¹³¹. Расширение источниковедческой базы и углубление анализа позволило поставить, хотя еще и не разрешить, ряд проблем, прежде всего — о причинах конфликта между буржуазией и самодержавием, о периодизации этого конфликта в годы войны и о группировках внутри буржуазного лагеря. Прямые или косвенные возражения ряда авторов выявили слабые места в концепции М.Н. Покровского о «двух заговорах» и создали предпосылки для ее преодоления.

**Кризис верхов в изображении
«Истории гражданской войны в СССР»**

С опубликованием письма И.В. Сталина в редакцию журнала «*Пролетарская революция*» «*О некоторых вопросах истории большевизма*»¹³² положение начало изменяться. Наряду с принципиальной критикой меньшевистских и троцкистских искажений истории революционного движения, появляется тенденция рассматривать всякое инакомыслие в исторических концепциях как выступление против линии партии, как «полутроцкизм» и «полуменьшевизм». Возможности научной дискуссии по неисследованным историко-революционным проблемам сужаются и постепенно исчезают вообще. На смену различным точкам зрения приходит единственная общеобязательная концепция.

Важным этапом на пути выработки такой концепции было опубликование в 1935 г. первого тома «*Истории гражданской войны в СССР*», в состав Главной редакции которого входил И.В. Сталин, а техническим редактором являлся И.И. Минц. Вслед за опубликованием тома И.И. Минц в специальной статье всячески подчеркивал роль Главной редакции в формулировке основных положений книги¹³³. Это обстоятельство ставило «*Историю гражданской войны*» вне научной критики, и рецензенты могли лишь заявлять, что они не в состоянии «исчерпать, хотя бы в малой доле, богатство этой книги» в своих рецензиях¹³⁴, поскольку этот том, который был «тщательно проредактирован Главной редакцией и лично товарищем Сталиным, сделавшим ряд ценнейших замечаний и исправлений», является «ценнейшим документом нашей эпохи»¹³⁵.

Первая глава «*Истории гражданской войны*» — «*Канун буржуазно-демократической революции*» была явно написана И.И. Минцем и сохранила ряд буквальных совпадений с его главой из IV тома «*Истории ВКП(б)*» под редакцией Е. Ярославского. Глава в «*Истории гражданской войны*» являлась шагом назад по сравнению с тем, что было достигнуто в советской историографии ко времени ее написания. В ней была снята проблема группировок в буржуазном лагере, замененная краткой характеристикой октябристской и кадетской партий, причем отличие кадетов от октябристов было сведено лишь к «более оппозиционным фразам»¹³⁶. Вместо периодизации полити-

¹³¹ Правда, круг этих документов был еще ограниченным — полицейские донесения у Б.Б. Граве, телеграммы Ставки в дни Февральской революции у Э.Б. Генкиной, эти же телеграммы и некоторые дела ЧСК Временного правительства у Е.И. Мартынова. Однако начало изучения архивных фондов было, таким образом, положено.

¹³² Пролетарская революция. 1931. № 6.

¹³³ Борьба классов. 1935. № 12. С. 32–45.

¹³⁴ Книга и пролетарская революция. 1936. № 1. С. 23.

¹³⁵ Там же. 1937. № 2. С. 135–136.

¹³⁶ История гражданской войны в СССР. М., 1935. Т. I. С. 18–19.

ческого кризиса верхов было повторено неверное противопоставление «бунта на коленях» в 1915 г. и «резко изменившейся» тактики буржуазии во втором полугодии 1916 г.¹³⁷

Все изложение главы страдало нечеткостью и противоречивостью формулировок. Так, самодержавие было сначала правильно охарактеризовано как выразитель интересов крепостников-помещиков, и было отмечено, что с ростом экономической мощи буржуазии усиливалась ее неудовлетворенность своим политическим положением. Но вслед за тем выступления буржуазных лидеров в пользу ограничения самодержавия объявлялись делом «разгоряченных вином голов»¹³⁸, что смазывало объективный характер кризиса верхов. Кстати сказать, ни слова не говорилось о противоречиях между буржуазией, с одной стороны, и царизмом и помещиками, с другой, до начала войны, а из буквально понятого текста главы можно было сделать вывод, что эти противоречия возникли только после того, как «война резко изменила соотношение сил между господствующими классами»¹³⁹.

Недооценка разногласий между буржуазией и помещиками и небрежность формулировок вели к прямым неточностям характеристик политических групп и деятелей. О прогрессивном блоке в главе говорилось, что «в состав его вошли почти все буржуазные партии — октябристы, кадеты с прогрессистами, часть умеренно-правых, так называемая прогрессивная группа националистов и фракция центра. Не вошли только трудовики, меньшевики и крайне правые»¹⁴⁰. По логическому смыслу этого определения не только вошедшие в блок прогрессивные националисты и фракция центра, но и крайне правые оказывались буржуазными партиями. Точно так же в подтверждение тезиса, что после октябрьской стачки 1916 г. буржуазия заговорила с правительством «более твердым голосом», приводилась в первую очередь речь в Думе В.В. Шульгина¹⁴¹, представителя помещичьего крыла блока.

Путано излагалась тактика буржуазии в годы войны. Сначала 1915 г. и второе полугодие 1916 г. противопоставлялись в том смысле, что в 1915 г. «дальше “бунта на коленях” буржуазия не пошла. Однако положение резко изменилось во второй половине 1916 года»¹⁴². В дальнейшем, однако, это «резкое изменение» характеризовалось противоположным образом: «Буржуазия, предчувствуя нарастающую грозу, постучалась в дверь к самодержавию <...> Недавние оппозиционеры говорили уже не о борьбе с правительством во имя войны, а о помощи ему в борьбе с революцией»¹⁴³. Сведя к этому все решения кадетской конференции в октябре 1916 г., И.И. Минц на следующей странице уже писал, что сразу после конференции «буржуазия заговорила другим, более твердым голосом». Вся эта путаница была порождена стремлением найти простую и однозначную формулу, под которую можно было бы подвести тактику всех течений буржуазной (а вернее, буржуазно-помещичьей) оппозиции, абстрагироваться от неразрешимых внутренних противоречий целей и тактики буржуазных лидеров.

Основным стержнем, вокруг которого строилась глава, была концепция «двух заговоров». Но если М.Н. Покровский, говоря о «заговоре царизма», видел в сепаратном мире с Германией цель этого заговора, то в «Истории гражданской войны» выход из войны рассматривался как средство для осуществления главной цели са-

¹³⁷ Там же. С. 27.

¹³⁸ Там же. С. 16.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. С. 25.

¹⁴¹ Там же. С. 53.

¹⁴² Там же. С. 27.

¹⁴³ Там же. С. 52.

модержавия — «обрушиться против революции». Под тем же углом зрения рассматривался и «заговор буржуазии». «Два заговора» царизма и буржуазии друг против друга превратились в заговоры против революции. Подобная трактовка содержала в себе рациональное зерно, поскольку сосредотачивала внимание на действительно основном вопросе тактики и царизма, и буржуазии в конце 1916 — начале 1917 г. — попытках предотвращения надвигающейся революции. Но тактика эксплуататорских классов не укладывалась в схему «двух заговоров», и если М.Н. Покровский создавал эту схему, не имея фактов, говоривших в ее пользу, то И.И. Минц поддерживал схему «двух заговоров» вопреки накопленным к тому времени фактам, которые говорили против нее.

Фактически И.И. Минц сам признал это обстоятельство в статье «Подготовка великой пролетарской революции (К выходу в свет первого тома “Истории гражданской войны в СССР”»): «Обычно, — писал он в этой статье, — при изучении Февральской буржуазно-демократической революции историки довольно много останавливались на попытке со стороны дворянско-буржуазных верхов осуществить так называемый дворцовый переворот». Упомянув в этой связи о планах переворота, вынашивавшихся Гучковым, И.И. Минц продолжал: «Ближайшее изучение материалов, связанных с этой попыткой дворцового переворота, развеяло как дым кадетскую легенду о “подготовке” революции»¹⁴⁴. Если учесть, что и кадеты, и другие буржуазные деятели в один голос твердили о полной неожиданности для них февральского выступления трудящихся масс, а те из буржуазных лидеров, которые стремились преувеличить роль буржуазии в подготовке революции, имели в виду именно подготовку дворцового переворота, то очевидно, что «ближайшее изучение» коллективом авторов «Истории гражданской войны» материалов о деятельности Гучкова и других могло и должно было «развеевать как дым» именно легенду о едином и всеохватывающем «заговоре буржуазии». Тем не менее несколькими строками ниже И.И. Минц, упрекнув историков за недостаточное подчеркивание «заговора царизма», заключал: «Накануне Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года существовало, таким образом, два заговора»¹⁴⁵. При этом в статье И.И. Минца не содержалось никаких указаний на то, что эта схема исходила не от авторского коллектива тома, а от Главной редакции.

Неверная схема с неизбежной закономерностью вела к использованию некорректных в научном отношении приемов изложения. Целый ряд важных для существования схемы утверждений оставался совершенно бездоказательным. По-прежнему важным элементом «заговора царизма» объявлялись шаги в сторону сепаратного мира, причем говорилось, что «пути к миру с Германией нащупывались уже давно»¹⁴⁶. В обоснование этого тезиса приводились попытки Германии прощупать пути к миру с Россией (что совсем не одно и то же!) в 1915 г. и говорилось: «В 1916 г. снова было сделано несколько (выделено нами. — В.Д.) попыток начать переговоры о мире с Германией»¹⁴⁷. Названа, однако, была лишь одна «попытка» — переговоры Варбурга и Протопопова.

Осуществление «заговора царизма» внутри страны излагалось так: «17 декабря самодержавие прервало занятия Думы до 12 января. За это время надеялись закончить все мероприятия по выборам в новую Думу»¹⁴⁸. Доказательств того, что за 3—4 недели правительство могло надеяться подготовить выборы в новую Думу, не приводилось, ес-

¹⁴⁴ Борьба классов. 1935. № 12. С. 33.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ История гражданской войны в СССР. Т. I. С. 55.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. С. 56.

тественно, никаких, ибо это было абсолютно невыполнимо. Убийство Распутина заставило, как об этом говорилось в первой главе *«Истории гражданской войны»*, организаторов «заговора царизма» заново рассмотреть свой план, причем было решено в основном продолжать его осуществление. «Внесли только по предложению Протопопова одно изменение: Думу пока не разгонять»¹⁴⁹. В обоснование этого утверждения, противоречившего общепризнанному факту, что именно Протопопов настаивал на разгоне Думы, опять-таки не приводилось никаких доказательств.

В ряде случаев И.И. Минц брал для доказательства своей схемы сведения, которые сами в свою очередь нуждались в доказательстве, или такие, недостоверность которых была уже установлена. Так, в описании «заговора царизма» вновь всплывал опровергнутый Е.И. Мартыновым слух о вооружении полиции «пулеметами, взятыми в полках гарнизона»¹⁵⁰, а убийство Распутина снова рассматривалось как часть «заговора буржуазии»¹⁵¹. Для подтверждения тезиса о том, что царизм перед Февральской революцией решился на активные шаги в сторону сепаратного мира, вновь использовался рассказ Чернина. Но если В.П. Семенников проводил связь между совещанием правых 24 февраля и полученной Черниным в этот самый день второй из телеграмм неясного происхождения, то И.И. Минц утверждал, что первая из этих телеграмм, переданная Чернину 13 февраля, явилась следствием письма Н. Маклакова Николаю от 9 февраля, в котором Н. Маклаков говорил о необходимости борьбы с «внутренним врагом», становящимся опаснее «врага внешнего»¹⁵². Единственным основанием для установления связи между этими двумя фактами являлась классическая в логике ошибка: «после, значит — вследствие». В качестве доказательства того, что дипломатия Антанты, не доверяя Николаю, подталкивала буржуазию к царубийству, вновь, как и в *«Истории ВКП(б)»* под редакцией Е. Ярославского, И.И. Минц приводил сомнительный рассказ Палеолога, не имевший к буржуазии вообще никакого отношения. Еще более очевидной была неправомерность использования для доказательства того, что заговорщики обсуждали у английского посла Бьюкенена вопрос о перевороте, отрывка из воспоминаний самого Бьюкенена, где говорилось, что один из его друзей — министр передавал за обедом в посольстве слухи о готовящемся, якобы, убийстве Александры и Николая¹⁵³. Небрежность в изложении фактического материала вела к элементарным ошибкам. Убийство Распутина, совершенное в ночь на 17 декабря 1916 г., было датировано в *«Истории гражданской войны»* ночью с 17 на 18 декабря¹⁵⁴.

Влияние «Истории гражданской войны» на литературу 1937–1965 гг.

Схема «двух заговоров», одобренная Сталиным в качестве члена Главной редакции *«Истории гражданской войны»*, странным образом не вошла в полном виде в *«Историю ВКП(б). Краткий курс»*. Там говорилось о «заговоре буржуазии», но не упоминалось в категорической форме о «заговоре царизма», хотя и повторялось утверждение, будто хозяйничавшие при дворе «пройдохи вроде Распутина» «явно вели ли-

¹⁴⁹ Там же. С. 57.

¹⁵⁰ Там же. С. 58.

¹⁵¹ Там же. С. 57.

¹⁵² Там же. С. 56.

¹⁵³ Там же. С. 57.

¹⁵⁴ Там же.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм...»

нию на заключение сепаратного мира с немцами»¹⁵⁵. Тем не менее «История гражданской войны в СССР», и ее первая глава в частности, стала для всех писавших о Февральской революции и ее предпосылках источником не только основных выводов, но и фактического материала, и ссылка на «Историю гражданской войны» стала подтверждением неоспоримости того или иного факта.

Уже в 1937—1938 гг. схема «двух заговоров» была полностью принята и повторена в брошюре Е. Фокина «Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г.», который распространил период подготовки «заговора царизма» на весь 1916 г.¹⁵⁶, в статье Б. Волина «Партия большевиков в феврале-марте 1917 г.»¹⁵⁷, в статье и брошюре А. Кучкина¹⁵⁸. Наиболее активным пропагандистом этой схемы оставался И.И. Минц, продолжавший дополнять ее новыми деталями. В марте 1938 г. он выступил в Высшей школе пропагандистов при ЦК ВКП(б) с лекцией, которая в том же году была издана отдельной брошюрой.

Настаивая на версии о «заговоре царизма», И.И. Минц говорил, что на основании новых данных австрийских и немецких архивов «мы смело можем утверждать, что буквально накануне февральского взрыва все было подготовлено для заключения сепаратного мира между Австро-Венгрией и Россией, в первую очередь, и, возможно, между Россией и Германией — во вторую очередь»¹⁵⁹. В своем стремлении доказать наличие реальных шагов в сторону выхода России из войны И.И. Минц, не заметив того, опроверг сам себя, поскольку заключение мира России с Австро-Венгрией (и только потом, возможно, с Германией) означало бы не готовность России на сепаратный мир с центральными державами, а ее стремление расколоть эти державы, вывести из войны второстепенного противника — Австро-Венгрию. При этом И.И. Минц не указал, о каких «новых данных» австрийских и германских архивов идет речь. Здесь следует отметить, что германские документы о «мирных» инициативах воюющих сторон были опубликованы лишь в 1962 г. и доказывают противоположное тому, что утверждал И.И. Минц. Какие-либо публикации австрийских документов на эту тему нам неизвестны.

Еще более решительно настаивал И.И. Минц в лекции 1938 г. на версии о «заговоре буржуазии». Этот заговор, по его словам, зашел настолько далеко,

«что в самые дни переворота вдруг выяснилось, что в подвалах Зимнего дворца находится один из гвардейских полков. Оказалось, что еще 23 февраля, повинаясь приказу из засекреченной буржуазной группы, под Зимний должны были пройти два полка. Эти полки, выполняя приказ, прошли под Зимний в полной уверенности, что происходит тот самый дворцовый заговор, к которому они готовились. Каково же было их удивление, когда 27-го к ним явился командующий гвардией с красным бантом и сообщил о народной революции»¹⁶⁰.

По-видимому, в основе этого рассказа лежал слух, имевший хождение в февральские дни, поскольку о нем в 1921 г. упоминал и М.Н. Покровский. Однако элементар-

¹⁵⁵ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1946. С. 167. Зато в «Краткий курс» попали обвинения в измене и шпионаже по адресу военного министра В.А. Сухомлинова и Александры Федоровны.

¹⁵⁶ Фокин Е. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. М., 1937. С. 50.

¹⁵⁷ Исторический журнал. 1937. № 2. С. 13—29.

¹⁵⁸ Большевик. 1937. № 5—6. С. 63—78; Кучкин А. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. М., 1938.

¹⁵⁹ Минц И.И. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. М., 1938. С. 17.

¹⁶⁰ Там же.

ный критический анализ вскрывал полную несостоятельность этого слуха. Представить себе, что целый полк (кстати, превратившийся через фразу, как число нападавших на Фальстафа, в два полка) мог незаметно пройти в подвалы Зимнего дворца, совершенно невозможно. К тому же это было бессмысленно, ибо в Зимнем был размещен госпиталь, тогда как царская семья жила в Царском Селе, а правительство располагалось в других зданиях Петрограда. Наконец, совершенно нелепо утверждение, что 27 февраля командующий гвардией — т. е. великий князь Павел Александрович явился к солдатам «с красным бантом». Это сделал на следующий день Кирилл, вызвав недовольство всех членов императорской семьи и, кажется, в особенности — Павла Александровича, еще 2 марта пытавшегося сохранить трон для Николая.

Если использование недостоверных слухов о сепаратном мире и о полках, спрятанных в подвалах Зимнего, имело целью доказать правильность схемы «двух заговоров», то совершенно необъяснима версия похода генерала Иванова, изложенная И.И. Минцем все в той же лекции. Этот поход был достаточно хорошо освещен в предшествовавшей литературе. Вопреки общеизвестным фактам И.И. Минц рассказывал, будто Иванов со своим отрядом дошел лишь до станции Дно (в действительности — до Вырицы, из которой он приезжал в Царское Село) и, так как путь дальше был разобран, распустил часть отряда, «а с остатками вернулся обратно. Там он не увидел никого, кроме встречавших этот отряд агитаторов, уже выехавших из Петрограда навстречу карательному отряду»¹⁶¹. Если вспомнить, что Иванов выехал со своим батальоном георгиевских кавалеров из Ставки (Могилев), то «вернуться обратно» он мог только туда же. Следовательно, по мнению И.И. Минца, именно в Ставке Иванова не встретил никто, кроме агитаторов, выехавших «навстречу» ему из Петрограда по разобраным путям!

Отказавшись от бросавшихся в глаза неправдоподобием рассказов о походе Иванова и полках, проведенных под Зимний по приказу «засекреченной буржуазной группы» (И.И. Минц, кстати, не рассекретил ее и в своей лекции), И.И. Минц дословно повторил остальное изложение «двух заговоров» в своих лекциях в Высшей партийной школе, опубликованных в 1940 и 1946 гг.¹⁶²

Схема «двух заговоров» оказывала и до сих пор оказывает очень большое влияние почти на всю литературу учебного и популяризаторского типа¹⁶³, обрастая рядом даль-

¹⁶¹ Там же. С. 22.

¹⁶² *Его же*. Империалистическая война и вторая русская революция. М., 1940; *Его же*. История СССР (1912 — март 1917 г.) М., 1946.

¹⁶³ *Панкратова А.* Двадцатипятилетняя годовщина свержения самодержавия // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 3–15; *Василенко К.С.* Февральская революция в России в 1917 г. М., 1954; *Очерки истории СССР. 1907 — март 1917 г.* М., 1954. (Глава А.Я. Грунт); *Сукач С.Л.* Опыт построения лекции на тему «Февральская буржуазно-демократическая революция в России» // Вестник высшей школы. 1955. № 2. С. 21–29; *Фавстов Г.А., Шварев В.А.* Февральская революция 1917 г. в России. М., 1956; *Веселов В.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Л., 1957; *Соловьев М.Е.* Февральская революция 1917 г. в России — решающая предпосылка Великой Октябрьской социалистической революции // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1958. Т. 112. Вып. I. С. 3–47; *Студенцова Э.Е.* Петроградский пролетариат в борьбе за победу Февральской буржуазно-демократической революции // Труды ЛПИ им. М.И. Калинина. Л., 1959. № 205. С. 26–51; *Грунт А.Я., Фирстова В.Н.* Россия в эпоху империализма (1907–1917). М., 1960; *Воронкова С.В.* Февральская буржуазно-демократическая революция в России. М., 1961; *История СССР.* / Под ред. П.И. Кабанова и Н.Д. Кузнецова. М., 1964. Ч. 2. (Главы Н.Д. Кузнецова); см. также юбилейные статьи в общественно-политических журналах в 1947, 1952 и 1957 гг.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

нейших бездоказательных заявлений и фактических ошибок. Широкое распространение получили муссировавшиеся в 1914—1917 гг. слухи об измене Сухомлинова и «царицы-немки», повторенные не только А. Панкратовой (что могло быть понятным в обстановке 1942 г.), но и В.М. Веселовым, С.В. Воронковой и в книге Г.А. Фавстова и В.А. Шварева. А.Я. Грунт в своей главе из «*Очерков истории СССР. 1907 — март 1917*» повторил ошибку «*Истории гражданской войны*», датировав убийство Распутина «*поздним вечером*» 17 декабря 1916 г.¹⁶⁴ Г.А. Фавстов и В.А. Шварев, а вслед за ними М.Е. Соловьев запутались в маршруте Николая 28 февраля — 1 марта 1917 г., написав, будто его поезд доехал из Ставки до станции Дно и вынужден был оттуда повернуть на Псков¹⁶⁵, тогда как в действительности Николай через Лихославль доехал до Малой Вишеры и лишь оттуда повернул назад, на Бологое — Дно — Псков.

В главе А.Я. Грунта из «*Очерков истории СССР*», а затем в его совместной с В.Н. Фирстовой книге, почти дословно повторявшие соответствующие страницы «*Очерков*», попытка завязать переговоры с Австро-Венгрией была перенесена с февраля 1917 г. (как ее датируют авторы, опирающиеся на мемуары Чернина) на осень 1916 г., причем ссылка давалась на слухи, которые «*просочились в буржуазную прессу*», без попытки проверить достоверность таких слухов¹⁶⁶. Тот же А.Я. Грунт, придавая большое значение высказываниям видного кадета В. Маклакова, начинали историю «*заговора буржуазии*» с осени 1915 г.¹⁶⁷, а вслед за ним то же самое сделали Г.А. Фавстов и В.А. Шварев¹⁶⁸. Последние, кстати, писали, будто указ об отсрочке сессии Думы до 14 февраля 1917 г. был издан в ответ на убийство Распутина и тогда был заготовлен указ о роспуске Думы¹⁶⁹, хотя такой указ находился в распоряжении председателей Совета министров уже с конца октября, а решение об отсрочке сессии было принято лишь в январе 1917 г.

Видимо, для вящего усиления контрреволюционности «*заговора царизма*» С.Л. Сукач писал, что в планы царизма входило не только заключить сепаратный мир с немцами, но и «*при их помощи*» подавить революцию. Он же утверждал, что в поддержке буржуазных планов дворцового переворота «*особую активность проявляли американские монополисты*»¹⁷⁰.

Целый ряд ошибок непонятного происхождения содержится в вышедшем в 1964 г. вторым изданием учебнике для пединститутов «*История СССР. Часть 2*» под редакцией П.И. Кабанова и Н.Д. Кузнецова, соответствующие главы которого написаны Н.Д. Кузнецовым, полностью следующим схеме «*двух заговоров*». Иллюстрируя кризис верхов на примере разногласий в некоей «*монархической партии*» (в России все буржуазные, не говоря уже о помещичьих партиях были монархическими), Н.Д. Кузнецов считает, что «*монархисты Пуришкевич, Шульгин и многие другие настойчиво стали добиваться расширения социальной базы царизма, удаления из правительства всех темных дельцов, группировавшихся вокруг Распутина и царицы, и большего привлечения к управлению страной буржуазных деятелей из октябристской партии*»¹⁷¹. Позиции Шульгина и Пуришкевича, входивших в разные партии, значительно отличались друг от друга. И если Шульгин готов был пойти на создание правительства с участием не только октябристов, но и

¹⁶⁴ Очерки истории СССР. 1907 — март 1917 г. С. 318.

¹⁶⁵ Фавстов Г.А., Шварев В.А. Указ. соч. С. 64; Соловьев М.Е. Указ. соч. С. 17.

¹⁶⁶ Очерки истории СССР. С. 315; Грунт А.Я., Фирстова В.Н. Указ. соч. С. 136.

¹⁶⁷ Очерки истории СССР. С. 316.

¹⁶⁸ Фавстов Г.А., Шварев В.А. Указ. соч. С. 33—34.

¹⁶⁹ Там же. С. 35.

¹⁷⁰ Сукач С.Л. Указ. соч. С. 24.

¹⁷¹ История СССР / Под ред. П.И. Кабанова. Ч. 2. С. 458.

кадетов, то о «настойчивых» требованиях Пуришкевича включить в правительство хотя бы октябристов в литературе до Н.Д. Кузнецова ничего не было слышно.

Неожиданно большую роль в «заговоре царизма» приписал Н.Д. Кузнецов последнему царскому премьеру князю Голицыну, сделав его автором плана борьбы с революционным движением (имелась в виду т. н. записка Говорухо-Отрока) и заявив, что «Голицын, став во главе правительства, начал последовательно осуществлять свою программу»¹⁷². Общепринято считать, и на это есть убедительные основания, что Голицын играл очень незначительную роль в проведении политики царизма, а того, что можно было бы назвать его собственной «программой», осуществить как раз и не смог.

Несколько особняком в этой группе литературы стоит глава Г.М. Деренковского и С.А. Залесского (соответствующие параграфы написаны Г.М. Деренковским) в «Истории СССР. Т. 2» под редакцией А.Л. Сидорова. Хотя в ней также говорится о существовании «заговора буржуазии», но убийство Распутина не изображается как составная часть этого заговора. Гораздо менее категорично говорится и о планах заключения сепаратного мира¹⁷³. К сожалению, в издании 1959 г. говорилось о вооружении полиции пулеметами незадолго перед Февральской революцией, но в 1965 г. это утверждение было из главы убрано.

Характерной чертой многих из перечисленных выше работ является существовавшая у ряда авторов уже в 1920-е гг. и усиленная «Историей гражданской войны» тенденция смазывать противоречия среди эксплуататорских классов России. Не случайно в этих работах отсутствует ленинское указание о наличии в России *трех* лагерей — лагеря монархии, буржуазного и революционного. Так, в «Очерках истории СССР», в главах, посвященных предвоенному периоду, об этих противоречиях говорилось и мало, и глухо. Поэтому фраза из главы А.Я. Грунта, указывающая, что «поражения на фронтах и неуклонный рост революционного движения вызвали определенный перелом в отношениях между самодержавием и русской буржуазией»¹⁷⁴, звучит как утверждение, будто до войны разногласий между буржуазией и царизмом почти не существовало. Это впечатление еще больше усиливается от того, что А.Я. Грунт в своей главе, следуя устаревшим взглядам В.П. Семенникова, пишет, что «вся политика царизма направлялась небольшой группой германофильски настроенных финансовых тузов, политических проходимцев и авантюристов»¹⁷⁵, игнорируя в этом определении помещичью сущность самодержавия.

Еще более отчетливо такая же тенденция проявилась в книге Г.А. Фавстова и В.А. Шварева. Не дав вообще четкой характеристики социальной сущности самодержавия, эти авторы утверждали, будто только в годы войны «нараставшее революционное движение в стране и поражения на фронте создали (выделено нами. — В.Д.) кризис верхов и изменили взаимоотношения царского самодержавия и буржуазии»¹⁷⁶, но что и тогда буржуазия «была недовольна не самодержавным строем в целом, а только царем Николаем II, как руководителем государства»¹⁷⁷. В последнем заявлении спутано отношение буржуазии к монархии и к самодержавному строю.

Непродуманность концепции и нечеткость формулировок вообще служили плохую службу этим авторам. «Поскольку, — писали они, например, — буржуазия не ставила задачу уничтожения самодержавия, а лишь хотела смены одного монарха другим, постольку она

¹⁷² Там же. С. 458–459.

¹⁷³ История СССР / Под ред. А.Л. Сидорова. М., 1959. Т. 2. С. 646; то же. М., 1965. С. 610.

¹⁷⁴ Очерки истории СССР. С. 278.

¹⁷⁵ Там же. С. 315.

¹⁷⁶ Фавстов Г.А., Шварев В.А. Указ. соч. С. 33.

¹⁷⁷ Там же. С. 31.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм...»

являлась контрреволюционной силой»¹⁷⁸. Либеральная буржуазия, как известно, хотела замены самодержавия конституционной монархией, но ни это, ни даже выступление ее за республику, если бы она встала на такую позицию, еще не означало бы, что либеральная буржуазия не была контрреволюционной.

Недооценка разногласий в правящем лагере явно прослеживается в статье М.Е. Соловьева, которую он с большой претензией оценил как попытку «наметить, главным образом в плане общественно-политическом, основные исходные положения для оценки февральского переворота как первого этапа в развитии русской революции 1917 года»¹⁷⁹. Определив самодержавие как выразителя интересов «наиболее оголтелых реакционеров: крепостников помещиков, корпорации чиновничества и верхов армии», М.Е. Соловьев заявил далее, что самодержавный строй «оказался в период войны (выделено нами. — В.Д.) в глубоком кризисе». Однако суть этого кризиса он свел к «грызне» между правительством и буржуазией «на почве споров о методах управления»¹⁸⁰. Ни о борьбе за власть между буржуазией и крепостниками-помещиками, ни о слиянии в Февральской революции «совершенно разнородных потоков, совершенно разнородных классовых интересов»¹⁸¹ в статье М.Е. Соловьева не говорится вообще.

В этой же связи приходится назвать и статью В.В. Комина «Контрреволюционная деятельность Государственной думы после свержения самодержавия», являющуюся частью подготовленной им монографии о деятельности буржуазных партий в марте–октябре 1917 г. Указав совершенно справедливо, что IV Дума «представляла интересы блока крепостников-помещиков и верхушки буржуазии», В.В. Колин не упоминает ни слова о разногласиях внутри этого блока и пишет, что лишь экономические и политические условия 1915 г. «вызвали у русской буржуазии патриотическую тревогу и дали первую трещину (выделено нами. — В.Д.) в союзе царя с капиталистами»¹⁸².

Значительный шаг вперед в учебно-популярной литературе представляет собой статья И.М. Пушкаревой «Победа буржуазно-демократической революции в России»¹⁸³, в которой наряду с более всесторонним и правильным освещением роли соглашательских партий и причин их влияния в Петроградском Совете в первый период после Февральской революции, более четко освещен и политический кризис верхов. Хотя И.М. Пушкарева, на наш взгляд, несколько преувеличила круг лиц, участвовавших в разработке планов дворцового переворота, она признала, что эти планы были оставлены самими заговорщиками из-за боязни усиления революционного кризиса в стране. Точно так же И.М. Пушкарева отметила в своей статье, что царское правительство не предприняло никаких ощутимых шагов в сторону сепаратного мира.

Если в статье И.М. Пушкаревой отчетливо проявляется тенденция к углублению научного анализа, то, к сожалению, приходится констатировать, что за последние годы у ряда авторов популярных статей проявилась и противоположная тенденция. За последние годы чрезмерное внимание было уделено фигуре Распутина. Опубликование материалов ЧСК Временного правительства о Распутине имело оп-

¹⁷⁸ Там же. С. 66.

¹⁷⁹ Соловьев М.Е. Указ. соч. С. 5. Всю предшествующую литературу за 40 лет он отнес к другим категориям — «враждебной» (Шляпников А.Г. и Яковлев Я.) и «весьма и весьма скромной популярной». Там же. С. 4.

¹⁸⁰ Там же. С. 18, 19.

¹⁸¹ Ленин В.И. Соч. Изд. 4. Т. 23. С. 296.

¹⁸² Ученые записки Калининского Педагогического института им. М.И. Калинина. Т. 34. Калинин, 1963. С. 207, 211.

¹⁸³ Преподавание истории в школе. 1966. № 1. С. 15–26.

ределенный научный резон, но уже статья М.Е. Соловьева «Как и кем был убит Распутин»¹⁸⁴, пересказывающая давно известные мемуары Пуришкевича и Юсупова, не вносила ничего нового в этот вопрос. Опубликованные же в журналах «Наука и религия» и «Знание — сила» статьи А. Волжанина «Распутинщина» и А. Ваксберга «История царского лампадика»¹⁸⁵ представляли собой набор бульварных сплетен, распространявшихся в буржуазных кругах в годы Первой мировой войны. Недалеко от этого ушел и «Огонек», поместивший без критических комментариев рассказ Юсупова об убийстве Распутина¹⁸⁶.

Примером того, как нельзя популяризировать историю, является и статья Ю. Юрова «Репортаж из 1917 года», напечатанная в № 4 и 7 журнала «Москва» за 1965 г. Написанная в заливчатском тоне, она повторяет многие безосновательные легенды, вроде «протопоповских пулеметов» и рассказа «одной швейцарской газеты» о сепаратных переговорах между Германией и Россией, содержит ряд фактических ошибок и свидетельствует о непонимании автором того, о чем он пишет. В качестве примера научного и литературного уровня статьи можно привести следующий отрывок, в котором рассказывается об опубликовании 10 февраля 1917 г. в органе кадетов газете «Речь» призывов командующего Петроградским округом Хабалова и лидера кадетов Милюкова против проведения забастовки: «Милюков не только с искренней готовностью поместил приказ Хабалова в газете “Речь”, которую сам редактировал, но и одобрил это генеральское блюдо кадетским гарниром. Рядом с приказом Милюков тиснул собственное письмо в редакцию, благо своя рука владыка»¹⁸⁷. «Искренняя готовность» Милюкова была в данном случае ни при чем, поскольку все газеты были обязаны печатать распоряжения военных властей, а для того, чтобы Милюков смог «тиснуть» свое письмо, потребовалось специальное вмешательство председателя Думы Родзянко, ибо цензура отказывалась разрешить его опубликование. Право же, для того, чтобы разоблачить бесспорно контрреволюционную роль буржуазных лидеров, можно было бы найти более достоверные факты. Подобного рода «популяризация» только вредит нашей науке.

Специальные исследования отдельных проблем в литературе 1940—1960-х гг.

Специальные исследования, посвященные тем или иным аспектам политической истории буржуазии и ее организациям, ее взаимоотношениям с царизмом в годы мировой войны, крайне немногочисленны. В 1941 г. с такими исследованиями выступили Е.Д. Черменский, о работах которого речь будет идти в дальнейшем, и А.П. Погребинский. Интересуясь главным образом проблемами экономической истории, А.П. Погребинский в статьях «Военно-промышленные комитеты» и «К истории союзов земств и городов», опубликованных в 11-м и 12-м томах «Исторических записок», остановился в общих чертах и на политической стороне деятельности этих организаций. А.П. Погребинский справедливо указывал, что создатели военно-промышленных комитетов видели в них «представительные органы русской буржуазии», хотели превратить их в «массовые организации буржуазии, стоящие на платформе прогрессивного блока», во «всеобъемлющий, разветвленный по всей империи аппарат, на который можно было бы опираться не только в экономическом, но и в политическом отношении»¹⁸⁸. Под этим углом зрения

¹⁸⁴ Вопросы истории. 1965. № 3. С. 211—217.

¹⁸⁵ Наука и религия. 1962. № 2. С. 40—44; Знание — сила. 1964. № 2. С. 44—46.

¹⁸⁶ Огонек. 1965. № 22.

¹⁸⁷ Москва. 1965. № 4. С. 150.

¹⁸⁸ Исторические записки. Т. 2. С. 177—178.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

А.П. Погребинский рассматривал борьбу руководителей ВПК за право участия в различных правительственных органах, с одной стороны, и за влияние на рабочих, с другой. Он, однако, не анализировал позиций различных групп буржуазии по отношению к ВПК, которые потому выглядели в его статье как орган буржуазии в целом, как средоточие всех «**виднейших представителей русской буржуазии**»¹⁸⁹. Поэтому вопрос о разногласиях в буржуазном лагере вообще не вставал в статье А.П. Погребинского.

После А.П. Погребинского буржуазные и буржуазно-помещичьи организации в годы мировой войны стали предметом нескольких кандидатских диссертаций — С.Л. Гисина «*Всероссийский земский союз (политическая эволюция с июля 1914 г. по февраль 1917 г.)*» (М., 1946), Н.И. Разумовской «*Центральный военно-промышленный комитет*» (М., 1947) и В.Т. Цыплякова «*Политическая деятельность Московского областного Военно-промышленного комитета*» (М., 1949).

При многих общих для всех работ этого периода недостатках — схема «двух заговоров», недооценка разногласий в правящих верхах, известная узость источниковедческой базы (хотя все диссертации написаны с привлечением архивных материалов), эти диссертации могли послужить началом серьезного научного изучения рассматриваемых в них вопросов. Однако они не были опубликованы и не оказали никакого влияния на последующую литературу, а их авторы не продолжили исследования. Более интенсивным и продуктивным было изучение рабочей политики военно-промышленных комитетов, что выходит за пределы нашего обзора. Определенное внимание советских историков привлекало в послевоенные годы думский Прогрессивный блок. В 1945 г. со статьей «*Прогрессивный блок*» выступил А.Я. Грунт¹⁹⁰, основывавшийся главным образом на публикации записей Милюкова в «*Красном архиве*» и стенограммах Государственной думы. В своей статье, посвященной по сути дела только одному этапу в истории Прогрессивного блока — лету 1915 г., А.Я. Грунт указывал, что блок «не являлся чем-то новым в политической практике буржуазных партий», поскольку и до войны бывали случаи блокировки их в Думе, и подчеркивал «**разногласия, разьедавшие блок**». А.Я. Грунт считал, что в связи с неудачей блока в его планах добиться создания «**правительства доверия**» блок уже в сентябре 1915 г. «**изжил себя**» и наступил «**крах блока**»¹⁹¹. В дальнейшем А.Я. Грунт резко изменил свою позицию и в статье в Советской Исторической энциклопедии характеризовал создание блока как «**конец двух большинств в Государственной думе, полный крах политики бонапартизма**»¹⁹². Так же оценивает значение блока и Г.М. Деренковский¹⁹³.

Возвращаясь к статье А.Я. Грунта, опубликованной в 1945 г., нужно указать, что А.Я. Грунт допустил в ней ряд ошибок, как фактического порядка (назвав, например, кадетом националиста А.И. Савенко)¹⁹⁴, так и в оценке группировок в блоке. Исходя из отдельных высказываний руководителей блока, он объединил в «умеренном» крыле блока Милюкова с лидером фракции центра П.Н. Крупенским (осведомителем царского двора и правительства о действиях Думы), а в «радикальном» — лидера прогрессистов И.Н. Ефремова и правого члена Гос. совета В.И. Гурко¹⁹⁵.

¹⁸⁹ Там же. С. 162.

¹⁹⁰ Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 108–177. В еще более кратком виде его взгляды были изложены в «*Докладах и сообщениях исторического факультета МГУ*» (М., 1945. Вып. 2).

¹⁹¹ Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 110, 115, 117.

¹⁹² СИЭ. Т. 4. М., 1963. С. 619.

¹⁹³ История СССР / Под ред. А.Л. Сидорова. М., 1959. Т. 2. С. 644; То же. М., 1965. С. 609.

¹⁹⁴ Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 112.

¹⁹⁵ Там же. С. 110.

В 1947 г. была защищена кандидатская диссертация И.М. Климова «Программа и тактика прогрессивного блока». Находясь под очень сильным влиянием концепции «двух заговоров», И.М. Климов выделил даже специальный этап в истории блока, основным содержанием которого он считал подготовку дворцового переворота. Предложенная им периодизация вообще отличалась искусственностью. В первый этап — подготовительный — он объединил и период «внутреннего мира» (до весны 1915 г.), и первые месяцы лета 1915 г., когда выступления оппозиции против правительства приняли уже очень острый характер¹⁹⁶. Началом «заговора царизма» он считал назначение Протопопова министром внутренних дел в сентябре 1916 г.¹⁹⁷ И.М. Климов не сумел правильно оценить расстановку сил в блоке, не придавая значения группам правее октябристов. Целый ряд фактических ошибок свидетельствовал о недостаточно глубоком изучении темы — так, И.М. Климов считал одним из руководителей блока А.И. Гучкова¹⁹⁸, называл прогрессистом очень видного кадеты Н.И. Астрова¹⁹⁹ и даже смешивал Государственный совет с Советом объединенного дворянства²⁰⁰. В диссертации, а затем в статье «К вопросу об отношении казанской буржуазии к прогрессивному блоку», вышедшей в 1952 г.²⁰¹, И.М. Климов, подчеркивая контрреволюционную сущность блока, недооценивал степень противоречий между блоком и царским правительством.

Основные положения диссертации были повторены И.М. Климовым в тезисах его доклада на научной сессии по истории Первой мировой войны в Москве в 1964 г., в которых он уже придавал большое значение внутривнутриполитический программе блока и говорил, что «эти требования подвели законодательную базу под конституционную монархию и расширяли возможности политического участия буржуазии в управлении Российской империей»²⁰². В то же время он изменил предложенную им ранее периодизацию, сделав ее еще менее удачной. Подготовительный период в истории блока был им почему-то продлен до сентября 1915 г.²⁰³, хотя уже в середине августа блок был создан, а в конце того же месяца развил бурную деятельность. Второй этап, ранее охватывавший в схеме И.М. Климова август–сентябрь 1915 г., был передвинут на время с сентября 1915 г. до лета 1916 г., вобрав в себя резко различные моменты в истории политической борьбы в правящих верхах России. Последний, четвертый этап (с ноября 1916 г.) по-прежнему объявлялся этапом, когда «в центре деятельности дворцовый заговор против Николая II»²⁰⁴.

Прогрессивному блоку был посвящен на сессии 1964 г. и доклад В.В. Бляхера, являвшийся изложением его дипломной работы (тезисы доклада не были опубликованы). Главное внимание в докладе было уделено предпосылкам образования блока буржуазных партий, вырисовывавшимся еще до начала войны и способствовавшим созданию такого блока на более широкой основе в 1915 г.

¹⁹⁶ Климов И.М. Программа и тактика прогрессивного блока. М., 1947 (кандидатская диссертация). С. 116.

¹⁹⁷ Там же. С. 189.

¹⁹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹⁹ Там же. С. 168.

²⁰⁰ Там же. С. 203.

²⁰¹ Ученые записки Казанского Государственного Университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Т. 112. Кн. 5. Казань. 1952. С. 55–76.

²⁰² Научная сессия по истории первой мировой войны. Тезисы докладов. Секция III. М., 1964. С. 142.

²⁰³ Там же. С. 143.

²⁰⁴ Там же. С. 143–145.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

Из работ, затрагивающих другие вопросы истории царизма и буржуазии в годы войны, нужно назвать статьи А.Л. Сидорова «*Материалы о свержении царизма в фонде ЧСК*»²⁰⁵, а также Д.В. Ознобишина «*Временный комитет Государственной думы и Временное правительство*»²⁰⁶. Хотя последняя статья посвящена в основном периоду после Февральской революции, она затрагивает и проблему борьбы буржуазии за власть в февральские дни. Большой интерес представляет статья И.Ф. Гиндина «*Русская буржуазия в период капитализма*»²⁰⁷. В ней рассмотрен процесс формирования буржуазии как класса, дана характеристика московской и петроградской группировок российской буржуазии в экономическом и политическом отношении, поставлен вопрос о взаимоотношениях буржуазии и буржуазной интеллигенции. Выводы И.Ф. Гиндина использованы нами в настоящей работе. Вопрос о группировках внутри буржуазии, в частности об особенностях политического лица московских промышленников рассматривается также в работах П.В. Волобуева²⁰⁸. Большое значение для освещения кризиса верхов имеют работы А.Я. Авреха, хотя хронологически они не относятся к рассматриваемому нами периоду²⁰⁹.

Работы Е.Д. Черменского

Видное место в разработке проблем Февральской революции и ее предпосылок занимают исследования Е.Д. Черменского. Еще в начале 1941 г. он написал статью «*Кадеты накануне февральской буржуазной революции 1917 года*», в которой наряду с опубликованными материалами опирался и на документы из архива ЦК кадетской партии²¹⁰. В 1947 г. Е.Д. Черменский защитил оставшуюся в рукописи докторскую диссертацию «*Борьба классов и партий в IV Государственной думе*», основные положения которой были им постепенно опубликованы в книге «*Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. Пособие для учителей*» (М., 1959) и в монографии «*История СССР. Период империализма*», издававшейся в 1959 и 1965 гг., а также в статье «*Выборы в IV Государственную думу*»²¹¹. Кроме того, 1951 и 1954 гг. Е.Д. Черменский напечатал свои лекции по истории России в период мировой войны, прочитанные им в Высшей партийной школе.

В отличие от большинства советских историков, Е.Д. Черменский не придерживался схемы «двух заговоров». Уже в 1941 г., процитировав, что было неизбежно, тезис о «заговоре буржуазии» из «*Истории ВКП(б). Краткий курс*», Е.Д. Черменский решил написать, что в числе буржуазных лидеров были и противники заговора, что по сути дела «*кадеты занимались болтовней о дворцовом перевороте*» и что перед лицом надвигающейся революции «*разговоры о дворцовом перевороте, в которых и раньше не было ничего серьезного <...> вовсе прекратились*»²¹². Точно так же в брошюре «*Февральская бур-*

²⁰⁵ Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С.

²⁰⁶ Исторические записки. Т. 75. С. 273–294.

²⁰⁷ История СССР. 1963. № 2. С. ; № 3. С.

²⁰⁸ Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964.

²⁰⁹ Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы // Исторические записки. Т. 53. С. 50–109; Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина // Там же. Т. 70. С. 61–112; Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 17–33; Ленский расстрел и кризис третьеиюньской системы // Там же. 1962. № 4. С. 58–79.

²¹⁰ Исторический журнал. 1941. № 3. С. 35–45.

²¹¹ Вопросы истории. 1947. № 4. С. 21–40.

²¹² Исторический журнал. 1941. № 3. С. 41–42.

жуазно-демократическая революция 1917 г. в России», изданной в 1947 г., Е.Д. Черменский писал, что «к активным действиям никто не решался приступить»²¹³. Правда, в этой брошюре он высказывался менее определенно и даже допустил формулировку, из которой можно было сделать вывод, будто убийство Распутина было частью «заговора буржуазии». В лекциях в ВПШ Е.Д. Черменскому пришлось в основном следовать за господствовавшей схемой, но тем резче выступил он против нее в 1959 г., напечатав то, что им было написано уже в его докторской диссертации.

В пособии для учителей Е.Д. Черменский указывал, что лишь «некоторые представители либеральной буржуазии склонялись к мысли о необходимости дворцового переворота», тогда как «многие буржуазные деятели вообще отвергали планы дворцового переворота». При этом Е.Д. Черменский подчеркивал, что заговорщики из группы Гучкова не смогли привлечь на свою сторону представителей высшего и среднего командного состава армии, и высказывал сомнение в возможности осуществления гучковского заговора²¹⁴. Развернутой критике подверг Е.Д. Черменский версию о «заговоре буржуазии» в докладе «К вопросу о кризисе верхов в России накануне Февральской революции 1917 года» на научной сессии в 1964 г., подчеркивая, что эта версия основана «на некритическом отношении к буржуазным источникам», на высказываниях буржуазных лидеров, которые «усиленно муссировали легенду об организации ими “заговора” против Николая II, реализации которого, мол, помешала революция»²¹⁵. Критически отнесся Е.Д. Черменский к версии о «заговоре буржуазии» и в монографии «История СССР. Период империализма».

В тесной связи с отрицанием «заговора буржуазии» находится оценка Е.Д. Черменским Прогрессивного блока. В противовес высказываниям А.Я. Грунта и Г.М. Деренковского, считающих образование блока свидетельством полного краха политики бонапартизма, Е.Д. Черменский настойчиво подчеркивает наличие глубоких разногласий между помещичьим и буржуазным крылом блока, сохранение в Думе как право-октябристского, так и октябристско-кадетского большинства. Это, указывает он, «обусловило и продолжение политики бонапартистского лавирования между ними царского правительства, что было отличительной чертой третьеиюньской системы до самого конца существования самодержавия в России»²¹⁶.

Царское правительство, действительно, до самого конца сохраняло возможность лавирования *в Думе*. Но та связь, которую устанавливает Е.Д. Черменский между своей оценкой Прогрессивного блока и своей критикой версии о «заговоре буржуазии», нам представляется ошибочной. Заявив о несостоятельности тезиса о «прекращении бонапартистской политики лавирования», Е.Д. Черменский делает вывод, что именно «в таком случае оказывается несостоятельной и традиционная схема “двух заговоров” против революции, в основе которой лежит ошибочное представление о полном разрыве между полуфеодальными и буржуазными элементами третьеиюньской системы»²¹⁷.

Во-первых, в основе схемы «двух заговоров» у М.Н. Покровского, как нам кажется, лежало не представление о полном разрыве между полуфеодальными и буржуазными элементами третьеиюньской системы, а мысль о противоположности **внешнеполитических** целей «торгового» и промышленного капитала. Что касается

²¹³ Черменский Е.Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1947. С. 25.

²¹⁴ Его же. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Пособие для учителей. М., 1959. С. 94–95.

²¹⁵ Научная сессия по истории первой мировой войны. С. 152.

²¹⁶ Там же. С. 147, 150. См. также: Черменский Е.Д. История СССР. Период империализма. М., 1965. С. 501, 503.

²¹⁷ Научная сессия по истории первой мировой войны. С. 151.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

схемы «двух заговоров» И.И. Минца, то если можно говорить о ее теоретической основе, ею было скорее представление о полном объединении всех — и буржуазных и полуфеодальных элементов — в вопросе о путях спасения царизма путем замены одного царя другим.

Во-вторых, как же можно доказывать отсутствие разрыва между буржуазными и полуфеодальными элементами тем, что именно между этими элементами существовали разногласия в блоке? Ведь не может же Е.Д. Черменский считать, что вступление в блок прогрессивных националистов и фракции центра означало консолидацию чисто буржуазных групп и что линия водораздела между представителями буржуазии и помещиков лежала не внутри блока, а вправо от него?

В-третьих, и это самое главное, версия о «заговоре буржуазии» (как составная часть схемы «двух заговоров») не соответствует, и это показывал и Е.Д. Черменский, исторической действительности, реальным фактам. Даже если допустить, что Прогрессивный блок был монолитным объединением, что царизм не имел шансов отколоть его правое крыло и восстановить право-октябристское большинство в Думе, это не означало бы, что существует реальный единый «заговор буржуазии» с целью организации дворцового переворота. Здесь Е.Д. Черменский встал на опасный путь противопоставления одной схеме другой схемы, последовательное проведение которой также ведет к насилию над фактами.

Это отчетливо видно в трактовке Е.Д. Черменским вопроса о взаимоотношениях между царизмом и буржуазией, где настойчивое стремление опровергнуть никем не защищаемый тезис о полном разрыве буржуазии и полуфеодальных элементов заставляет Е.Д. Черменского преуменьшать разногласия между буржуазией и царизмом.

Говоря о предвоенном периоде, Е.Д. Черменский в монографии, изданной в 1959 г., видел там процесс «полевения» буржуазии и относил уже к этому времени крах третьеиюньской системы²¹⁸. Однако он сводил им же подробно исследованный процесс «полевения» буржуазии к простой демагогии. В 1965 г. при переиздании своей книги он расширил раздел о росте буржуазной оппозиции и признал, что «среди крупной буржуазии в предвоенные годы наметилась тенденция к политической консолидации», что «образование партии прогрессистов означало обострение классовых противоречий в стране, “отмежевку” черносотенных сил контрреволюции от либеральных сил той же контрреволюции»²¹⁹. И одновременно Е.Д. Черменский упрекал А. Владимирову и А.Я. Авреху за то, что они принимают «за чистую монету симуляцию оппозиционной борьбы либеральной буржуазией»²²⁰.

Та же тенденция видна и применительно к периоду войны. Еще в лекции в ВПШ в 1951 г. Е.Д. Черменский вопреки приведенным им в его диссертации фактам говорил, что буржуазия, которая якобы в результате создания городского и земского союзов и военно-промышленных комитетов уже летом 1915 г. «значительно усилила свои политические позиции за счет крепостнического дворянства», даже в это время (после создания Прогрессивного блока) «предпочитала оставить руководящую роль в третьеиюньской монархии за полуфеодальным дворянством»²²¹, т. е. не ставила перед собой цели борьбы за власть. Он даже утверждал, что после отказа царизма удовлетворить пожелания блока «деловое сотрудничество царской власти с буржуазной “общественностью” приняло еще

²¹⁸ Черменский Е.Д. История СССР. Период империализма. М., 1959. С. 379.

²¹⁹ То же. М., 1965. С. 405–406.

²²⁰ Там же. С. 316.

²²¹ Его же. Россия в период империалистической войны. Вторая революция в России (1914 — март 1917 г.). М., 1951. С. 35–36.

более широкие размеры»²²². При этом из лекции нельзя было выяснить, чего же конкретно хотела буржуазия, поскольку Е.Д. Черменский писал лишь, чего *не содержала* программа блока. Начиная с 1954 г. Е.Д. Черменский более полно характеризовал программу блока, но сохранил вплоть до 1965 г. тезис о расширении сотрудничества царизма и буржуазной общественности с осени 1915 г.²²³

Выступая против существования «заговора буржуазии», Е.Д. Черменский одновременно является активным сторонником версии о «заговоре царизма». Правда, в некоторых случаях он писал о существовании планов выхода из войны не у Николая, а у кругов, стоявших за спиной Распутина²²⁴ (что тоже нуждается еще в доказательстве), или у «черносотенных кругов»²²⁵ (что совершенно бесспорно), но обычно планы сепаратного мира приписывались Е.Д. Черменским «царизму», т. е. всем правящим кругам, включая самого Николая. Наиболее развернутое обоснование этой версии было дано им в пособии для учителей, изданном в 1959 г. Наряду с обычными аргументами — письмо Н. Маклакова Николаю от 9 февраля 1917 г. о «внутренних» и «внешних» врагах и воспоминания Чернина — Е.Д. Черменский привлек еще два — предложение тетки Николая герцогини Кобургской Максуду Баденскому о посредничестве в самый канун Февральской революции и т. н. «предсмертную записку» Протопопова, опубликованную еще в 1926 г., но почему-то не замеченную ранее советскими историками²²⁶. В 1965 г. в монографии «История СССР. Период империализма» Е.Д. Черменский снял ссылку на посредничество герцогини Кобургской, очевидно утя слабую этого аргумента, поскольку вряд ли можно доказать, что ее предложение не было ее частной инициативой. Ссылка на записку Протопопова осталась и является единственным реальным указанием на то, что Николай, может быть, действительно в декабре 1916 г. задумался над необходимостью выхода из войны. Однако из самой записки Протопопова вытекает, что, во-первых, до этого времени Николай был против сепаратного мира и не предпринимал никаких шагов в этом направлении и, во-вторых, что и в декабре 1916 г. возможность сепаратных переговоров предусматривалась лишь в довольно далеком будущем²²⁷. Учитывая это, в докладе на научной сессии в 1964 г. и в монографии 1965 г. Е.Д. Черменский должен был признать, что «одобрение Николаем II плана Протопопова о выходе из войны еще не означало прекращения колебаний царизма по этому вопросу. До последних дней существования царизм бился в заколдованном кругу неразрешимых противоречий»²²⁸.

Большое значение Е.Д. Черменский придает и внутривластному аспекту «заговора царизма», считая, что в основу политики правительства была положена записка, вышедшая из кружка Римского-Корсакова, и веря в легенду о вооружении полиции пулеметами²²⁹. Однако и здесь в 1964–1965 гг. Е.Д. Черменский смягчил формулировки и указал на сохранение колебаний в планах царизма по отношению к Государственной думе.

²²² Там же. С. 36.

²²³ То же. М., 1954. С. 42; *Его же*. Февральская революция. Пособие для учителей. С. 50–51; *Его же*. История СССР. Период империализма. М., 1965. С. 503.

²²⁴ *Его же*. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1947. С. 24.

²²⁵ *Его же*. История СССР. Период империализма. М., 1959. С. 472.

²²⁶ *Его же*. Февральская революция. Пособие для учителей. С. 97–98.

²²⁷ См. об этом подробнее в гл. VI.

²²⁸ Научная сессия по истории первой мировой войны. С. 157; *Черменский Е.Д.* История СССР. Период империализма. М., 1965. С. 524.

²²⁹ Там же. С. 523; *Его же*. Февральская революция. Пособие для учителей. С. 96–97.

Историографическое введение к монографии «Русская буржуазия и царизм ...»

Не соглашаясь с Е.Д. Черменским в ряде его оценок, мы должны отметить, что им сделано много для более полного и правильного освещения истории правящих верхов России в предвоенные годы и в период мировой войны, причем для такого освещения им привлечен большой архивный материал.

Сделанный нами обзор советской литературы показывает, что внимание историков было в основном привлечено только к одной из проблем, составляющих сложный комплекс взаимоотношений буржуазии и царизма в годы войны, — к проблеме «двух заговоров». При этом те немногие советские историки, которые писали о правящих верхах России в исследовательском, а не популярном плане, высказывали наибольшие сомнения в существовании таких «заговоров». Однако даже эта проблема все еще нуждается в более всестороннем рассмотрении.

Малоисследованным остается вопрос о различии в позициях отдельных групп внутри самой буржуазии, только намеченный, но совсем не разрешенный в конце 1920-х гг. и вновь поставленный в работах последнего времени. Между тем, только отказавшись от описания политики и взглядов буржуазии «вообще» и исследовав соотношение различных политических и экономических групп в ней, можно будет избавиться от схематизма и прийти к правильной общей характеристике класса капиталистов в России.

Совершенно не исследована политика царизма по отношению к либеральной оппозиции в годы войны. Деятельность царского правительства по традиции, унаследованной от буржуазной прессы, изображается как лишенный внутренней логики поток случайных и противоречивых мероприятий.